

Андрей Булычев
ЭСКАДРОН,
САБЛИ НАГОЛО!

Андрей Булычев
Эскадрон, сабли наголо!
Серия «Драгун», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69575635

Аннотация

1804 год. Закавказье. Русские войска под предводительством князя Цицианова взяли штурмом Гянджу и присоединили к Российской империи земли нескольких ханств. Назревает война с Персией, которая готовит огромную армию вторжения.

Сдержат натиск неприятеля, отбить его и погнать персов вспять предстоит малочисленным силам русских, в которые входит и драгунский полк Тимофея.

Рана залечена, патроны заготовлены, а штык и сабля заточены до остроты бритвы.

– Эскадрон, по коням! – и в седло запрыгивают всадники лучшей русской кавалерии – драгуны!

Содержание

Часть I. Эриванский поход	4
Глава 1. Елисаветполь	4
Глава 2. Придорожная крепость	23
Глава 3. За фуражом и провиантом	43
Глава 4. Бой в горах	58
Глава 5. Из похода в поход	81
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Андрей Булычев Драгун. Эскадрон, сабли наголо!

Часть I. Эриванский поход

Глава 1. Елисаветполь

– А ну тихо ты, а ну не шоволись! – сердито прикрикнул на молодого драгуна полковой лекарь. – Меньше шлындать тебе надо было, Тимоха, так и не разошелся бы тогда шов! А то вот возись тут с ним, вошкайся цельный час, как будто бы у меня и других дел вовсе даже нет! Говорили тебе – полежи месяцок в гарнизонном крепостном гошпитале! Так нет ведь, в эскадрон ему нужно бежать, артель, видишь ли, с лошастью его заждались! А ну тихо теперь сиди!

Гончаров зашипел и, чуть прикусив нижнюю губу, замер. – Вот так, – удовлетворенно пробурчал пожилой эскулап. – Во-о-т. Ага-а! Теперяча хорошо-о. И петельку еще тут затынем. Сильно полотном зажимать я этот шов не буду, так, сверху его только чуток покрою, пущай уж рану маненько холодит, и воздух к ней свободно подходит. А то ведь еже-

ли ей завернутой жарко будет, так она и мокнуть тогда начнет, кровениться, не дай бог, еще и гниль в ней зародится с того. Смотри только, Тимофей, чтобы туда никакая грязь вовнутрь не попала, это тебе ведь не рука или там нога, чтобы их просто так вот взять да отрезать. И это, не береди ты ее, шолобродный, ну говорил же не раз уже тебе! Я вот Луке Куприяновичу точно теперь нажалуюсь. Виданное ли это дело, чтобы из мушкета да с такой-то вот раной бабахать!

– Да ладно тебе, Акимович, ну вот не надо никому и ничего говори-ить, а-а? – протянул Тимофей просительно. – Обещаю, что непременно теперь я буду беречься. – Вот истинный крест! – стянув с головы колпачную фуражку, размашисто перекрестился молодой драгун. – Ну кто же знать мог, что мы в этом разъезде на дозор эриванцев вдруг наткнемся? С ущелья с ребятами выезжаем, а тут нате вам, пожалуйста, они прямо в ста шагах от нас у самого ручья стоят. Ну, вот и постреляли по ним немного.

– Угу, немного, – нахмурился лекарь. – Вижу я, как немного, синяк-то вон каков от приклада на плече?! А вот коли в гошпитале бы ты сидел, так и не пришлось бы тогда и вовсе даже из мушкета бабахать! Нет, Тимка, точно я на тебя нажалуюсь вахмистру.

– Поликарп Акимович, тут вам это, тут вот от меня и от всей артели за Устима, с благодарностью, – Гончаров застегнул мундир и пододвинул ближе к лекарю небольшую полотняную торбу. – Вы уж не откажите в любезности, за мое и за

Устимкино здоровье откушайте.

– Чего это у тебя здесь такое? – нахмурил густые брови пожилой лекарь. – Ничего мне не надобно, и так все есть!

Сам же протянул руку к мешку и, нащупав под грубой тканью кувшин, с лукавым прищуром взглянул на молодого драгуна.

– Арцах это, Поликарп Акимович, из тутовых ягод его гнали, сам-то он о-го-го какой крепкий, однако же и мягонький, – с легкой улыбкой проговорил Гончаров. – У Вагана хромого, что у Тифлисских ворот лавку держит, был он выделан. Ребята, кто его пробовал, говорят, что просто чудо как он хорош! И голова потом с него совсем не болит.

– Ну, ежели у Вагана делан, тогда да-а, тогда ладно, – лекарь вздохнул и задвинул торбу под лавку. – Тем более сам ведь только что сказал: за здоровье это. Тут как бы грех тогда отказываться. Ладно, ступай уже, Гончаров, ступай, мне тут того, мне это самое надо. Дел у меня еще здесь немерено, а тут вон ты над душой стоишь – отвлекаешь. Значится, через день сюда снова придешь и опять свой шов покажешь. И это, ты смотри у меня, Тимофей! Чтобы рану опять не тревожил – а то я ведь точно кому надо нажалуюсь! – и, погрозив вслед уходящему кулаком, полез другой рукой под лавку.

От полкового лазарета до места квартирования отделения было недалеко, и совсем скоро Гончаров нырнул с улицы в калитку обнесенного каменным забором двора.

– Тимох, подмогни! – кашеварящий на уличном очаге На-

ум махнул рукой подходящему товарищу. – Пущай этот покамест рядом попреет, а сюда вот, на самый жаркий огонь я лучше сейчас щи поставлю. Там-то они уж больно долго готовятся, а то ведь еще маненько, и уже совсем скоро сама каша поспеет.

Драгуны крикнули, поднатужились и, обхватив руками с двух концов толстую палку, вставленную в дугу, перенесли большой медный артельный котел на соседний очаг.

– Вот так оно совсем ладно теперяча будет, – удовлетворенно проворчал дежурный кашевар, покидывая под днище полешки. – Ну что, проведал Устимку? Как он там в лазарете? Чего лекаря вообще глаголят, скоро ли они его совсем от себя отпустят?

– Да ничего они там не говорят, – отмахнулся Тимофей. – Огневицы, дескать, больше у него уже нет, рана совсем чистая, и теперь только лишь время нужно, чтобы он совсем излечился.

– Излечится, ничего, Устимка – он мужик крепкий, – сказал со вздохом Наум. – Мы с ним еще с самого начала, с рекрутского депо дружны, с того времени, когда наш полк в Тамбовском наместничестве на квартирах стоял.

Скрипнула дверь, и наружу из занимаемого отделением дома вышли пятеро драгун во главе с младшим унтер-офицером Сошниковым. Ефим Силович глубоко вдохнул в себя февральский холодный воздух и пожевал губами, словно бы пробуя его на вкус.

– Чего, Наумка, небось, еще часок времени тебе надобно, да? А так-то уже скусный дух от варева идет.

– Час – это уж точно нужно подождать, Силович, – подтвердил артельный готовщик. – Щам бы оно, конечно, рановато еще пока до готовки, а вот кашку, ее уже и снимать даже можно, но уж лучше ей маненько на самом слабом жаре, на углях потомиться.

– Ну ладно, ладно, ты это, Наумка, ты давай-ка готовь и не спеши лучше, мы ведь тебя совсем не торопим, – сказал с улыбкой отделенный командир. – А то вдруг опять, как в прошлый раз у Ваньки получится. Только порцион, зараза, перевел. Пойдемте, братцы, лошадей пока обиходим, как раз до самого ужина с этим делом поспеем. Тимох, ты причиндалы из дому забирай и за нами тоже давай двигай, – кивнул он молодому драгуну. – Гостинцы-то все кому надо передал? По душе ли пришлись?

– Передал, Ефим Силович, а как же, – подтвердил Гончаров. – Обоим вручил: и Устиму – айвы с изюмом, и Поликарпу Акимовичу тоже кое-чего. Все там подаркам рады.

– Ну вот и хорошо, – вздохнул удовлетворенно дядька. – Чай, уж и с нас не убудет. Ну все, давай, догоняй, пошли мы!

Драгуны потопали по городской улице Гянджи в сторону ханского дворца, где в его конюшнях содержались полковые лошади, а Тимофей заскочил в дом. В двух его больших комнатах, закрытых наглухо от прочих хозяйских, жило все первое отделение четвертого взвода второго эскадрона Нарвско-

го драгунского полка.

Быт у служивых был совершенно простой: постелями им служили широкие лавки или сундуки, составленные у стен. На самих же этих стенах были развешаны предметы воинской и конской амуниции, часть вещевого обмундирования и оружие. Тускло светил жировой светильник, подвешенный к потолку, похрапывали двое сменившихся с суточного караула, а где-то за стеной слышался плач хозяйского ребенка. Тимофей, подходя к своей лавке, зацепил неловко ногой стул, и тот резко громыхнул. Заспанный Савелий приподнял голову с войлочной подстилки и, буркнув, что-то ругательное, натянул повыше шинель.

– Все-все, извиняйте, братцы, я не нарочно, – пробормотал Тимофей и, сняв с гвоздя небольшую котомку, поспешил скорее выйти на улицу.

До ханских конюшен было недалеко. Выйти с малого переулка на большой, потом пройтись немного по улице, и вот уже он – бывший ханский дворец, а рядом с ним как раз и стояли те самые конюшни.

В отдалении от главной полковой квартиры слышался трубный сигнал, призывающий кавалеристов к уходу за лошадьми. Со всех концов города, с тех мест, где квартировались эскадроны, спешили сейчас в конюшни драгуны. В длинных, разделенных на отдельные стойла помещениях слышались гул множества людских голосов, лошадиное фыркание, звуки шуршания щеток и скребниц.

– Хорошая, хорошая лошадка, – ласково приговаривал Гончаров, зачищая левую лопатку кобыле. – Тихо, тихо ты, стой смирно, – погладил он ее морду. – Застоялась уже, небось, птичка моя? Ничего, завтра обещали нас в разъезд определить, вот и побегаешь там у меня. А ну, тихо, Чайка! Тихо ты! Ноги мне отдавишь! – хлопнул он ее легонько ладонью по крупу. – Вот, лучше еще один сухарик пока прими, – и протянул твердый кирпичик черного посыпанного крупной солью хлеба. – Сейчас тебе буду правую сторону чистить.

Кобыла перехватила губами гостинец и громко им захрумкала.

– Ах, ты ж и попрошайка, вот же попрошайка! – укоризненно бубнил Тимка, сноровисто орудуя щеткой.

– Чего так гриву плохо прочесал, а, Гончаров?! – раздался позади строгий голос вахмистра. – Словно бы это не драгунская строевая лошадь у тебя, а какая-то киргизка выючная. Давай-ка ты тут не ленись, обихаживай, как и положено ее!

– Лука Куприянович, так я же первым делом ей гриву причесал, чтобы из нее всякий крупный сор сбить, а уже потом и за саму за щетку взялся, – воскликнул, обернувшись, Тимофей.

– Ты это, ты давай-ка не болтай тут, а лучше делай все как положено! – нахмурился старший унтер. – Еще без году неделя в эскадроне, а уже вона чего, рот мне тут открывает! Сказал – плохо прочесал, значит, плохо, переделывай все, и

нечего мне тут перечить!

– Слушаюсь все переделать, господин вахмистр! – принял строевой вид драгун. – Сию же минуту исправлюсь!

– Вот то-то же, так бы и сразу, – проворчал, отходя от стойла, Лука Куприянович. – А то умные они тут все, понимаешь! Говорить – то они, вон, научились, а вот службу как следует не знают. Всему всех учить вечно надо!

– Эй, Ванька! – слышался его гневный голос уже через два стойла. – Ты почто же это, бездельник ты эдакий, суконкой морду кобыле не протер?! А если у нее вдруг глаз от грязи нагноится? Так я к твоему тогда сам своим кулаком хорошенько припечатаю! Будешь потом знать, как это – от дела отлынивать и казенным разорительством заниматься!

– Вот ведь дед какой сварливый, пятый десяток за середку перевалил, а все ведь шпыняется, бегают, – кивнул в сторону доносящейся брани сосед Кошелев Федот. – Ты его уж лучше не цепляй, Тимох, соглашайся со всем, поддакивай все время, а не то он, как репей, к тебе прицепится, со свету белого сживет. Ну чего тебе, долго ли там еще? А то я уже здесь заканчиваю, пошли, может, вместе за овсом и водой?

– Господа, задача, поставленная главнокомандующим, у нас прежняя – это прикрывать южное направление на Тифлис и вести дозорную службу со стороны Эривани, Шуши и Ширвана, – подполковник Бомбель расправил лежащую перед ним на столе карту и ткнул на ней в жирную точку. –

Мы тут, в этом месте, как кость в горле у любого, кто захочет пройти на север. Гянджа – это ключевая крепость всего восточного Закавказья, не зря ведь мы столько сил на ее взятие бросили. Карабахский правитель склоняется к тому, чтобы принять российское подданство, да и многие прочие местные властители не против, но все они сейчас выжидают, какой же ответ на занятие сей крепости дадут нам персы. А то, что он обязательно будет, вы, господа, даже не сомневайтесь, – подполковник внимательно оглядел собравших в комнате старших офицеров. – Повелитель Персии Фетх Алишах уже разослал фирманы по всем своим провинциям с призывом о сборе войска для большого похода. И куда оно направится, вы, наверное, и сами прекрасно сейчас догадываетесь. У каджаров здесь, в Закавказье, остается самый верный их союзник – это хан Эривани Мухаммед. Князь Цицианов Павел Дмитриевич полагает, что персы пойдут весной на нас как раз-таки через Эривань, дабы соединиться с тамошним ханским войском, и, таким образом всемерно усилившись, ударить затем по нам в направлении Тифлиса. Поэтому их светлость отдал приказ по всем войскам готовиться упредить персов и занять Эривань прежде, чем персы к нему сами подойдут. Так, ну это общее, а вот теперь уже то, что касается нас. Вместе с казаками Агеева нам надлежит перекрыть дальние подступы к Гяндже с юга, встав на старой Карабахской дороге и еще с юго-запада подле озера Севан. На перевалах и в удобных для обороны местах будут выставять

свои заслоны егеря Карягина из семнадцатого полка. Нам же нужно будет с ними взаимодействовать, и буде какой натиск от неприятеля, по возможности сдерживать его до подхода подкреплений. Службу нести мы будем поэскадронно. Первый и второй эскадроны выходят послезавтра, то бишь семнадцатого февраля, к назначенному им месту. И ровно через месяц, так же семнадцатого марта, их потом сменят третий и четвертый эскадроны. Все ли всем понятно?

– Понятно, понятно, – загудели голоса офицеров в комнате.

– Вопрос только у меня есть, разрешите, Александр Эдуардович? – встал со своего места командир второго эскадрона.

– Говори, Сергей Иванович, – кивнул подполковник.

– После трудного перехода к Гяндже, боя в предместьях, осады и последующего за ней штурма, а потом еще и месячного нахождения здесь у меня чуть ли не треть людей выбыла из строя, это если считать с убитыми и ранеными, а еще ведь нужно и больных учесть. В лошадях тоже большая убыль имеется. Несколько эскадронных повозок разбито и восстановлению вовсе даже не подлежит. По обмундированию и амуниции также имеются трудности. Провианта и фуража совсем мало у нас в запасе. А как же со всем этим тогда нам заслонную службу прикажете строить? Тем более, как я понимаю, нам надолго за пределы крепости придется выходить. Вокруг же нее население, не привыкшее к российской

власти. Где-то оно само себе на уме, а где-то даже и откровенно враждебное. От такого и никакой помощи ждать вовсе даже не приходится. А вы вот только недавно при отправке в дальние разъезды нам говорили, чтобы никого из местных не обижать и вести себя с ними как с российскими подданными.

– И у меня такая же картина!

– И у меня в эскадроне! – загомонили с мест офицеры.

– Я хорошо если сотню людей с собой выведу, – запальчиво выкрикнул капитан Самохваловский. – Так и этих ведь тоже кормить нужно, с собой на выюках много сейчас по горам не увезешь, а там, в заслоне, аж целый месяц стоять придется.

– Придется, придется, Илья Петрович, не горячись, ну вот чего ты раскричался? – осадил капитана полковой командир. – Приказ о выходе эскадронов мною уже получен, и мы его, разумеется, с вами исполним. Местных обижать строжайше запрещено, нам тут еще восстания в горах не хватало, чтобы каждый камень русскому солдату потом в спину стрелял! Буду просить у начальства закупные, чтобы живым серебром можно было бы вам фуражную и провиантскую норму прямо на месте поправлять. Сколько сможете, столько вы с собой выюками увезете. Остальное уже там докупите. Мы-то еще ладно, мы при конях, а вот тем же егерям, им ведь гораздо тяжелее нашего придется. Сейчас повозками по зимним дорогам много с собой в горы не переправишь, проще

уж на своем или же на конском горбу везти. Пополнения раньше апреля, а то даже и мая месяца ждать не приходится – пока это его сюда с Моздока по Военно-Грузинской дороге пригонят. Да и придет оно, много ли им навоюешь? Сырые ведь совсем, зеленые, все эти вчерашние рекруты.

– Ничего, у нас они тут быстро заматереют, – усмехнулся капитан Огнев. – Те, что недавно, что по осени пришли, они уже чуть ли не наравне со стариками службу несут. Коли осаду и штурм пережили, так считай, что уже и опытные солдаты.

– Ладно, господа, пора мне на генеральский совет, – поднялся со своего места подполковник. – На нем обещают представить нашего нового полкового командира, который прибыл сюда только вчера. Полагаю, что он и сам захочет завтра с вами со всеми познакомиться. Вот вместе с ним мы и будем добиваться выделения всех нужных нам для долгой заслонной службы средств. Да, и последнее: указом нашего императора Александра Первого высочайше утверждено новое название сего города, теперь он носит название Елисаветполь, а весь край бывшего Гянджинского ханства, он, стало быть, называется Елисаветпольский. Вот вам и ответ, почему с местными нужно вести себя особо обходительно.

– Да, все-таки не утвердили Александра Эдуардовича полковым командиром, а ведь больше года он его обязанности исполнял, – покачал головой Самохваловский, шагая рядом с капитаном Огневым. – Небось, опять к нам кого-нибудь из

гвардейских шаркунов поставили. Орден на грудь себе быстро заработает и опять в Санкт-Петербург ближе ко двору отъедет. Серж, не знаешь, кто он вообще таков?

– Да откуда же, Ильях? – пожал тот плечами в недоумении. – Я ведь только сегодня сам такую новость услышал. Небось завтра общее построение со смотром по полку объявят. Надо бы своим людям указание дать, чтобы посерьезней подготовились. Сам ведь не хуже меня знаешь: на самом начальном представлении коли себя плохо покажешь, так потом год будут пенять, хоть ты как после этого отважно не вой.

– Это да-а, начальство, оно смотры и парады сильно любит, – подтвердил Самохваловский. – Надо бы тоже своим приказать, пускай и они лучше к завтрашнему готовятся. А смотри-ка, Серж, Елисаветполь, а? Ну как? Звучит? Ох и князюшка, ох и хитрый лис, вроде как бы и в честь почившей матушки императрицы Елизаветы Петровны сей город ее именем назвал, а ведь и у нынешнего императора Александра Павловича, припомни, как же супругу во крещении зовут? А вот то-то и оно – Елизавета Алексеевна, в девичестве Луиза Мария Августа, принцесса Баденская. Вот тебе и князь Цицианов, всем он сумел с этой Гянджой угодить! За то и орден высочайше ему пожалован и звание – генерал от инфантерии. А это ведь тебе не шуточки!

– Ладно, не завидуй, Ильяха, – ухмыльнулся Огнев. – Нас с тобой, чать, уж тоже не забыли, жди высочайшего рескрип-

та по войскам Кавказского наместничества. Ежели все удачно сложится, так и Аннинский крест на эфес сабель с тобой прикрепим, потом еще со всеми полковыми офицерами кавалерство будем обмывать.

– Это, как и положено, это обязательно, – подтвердил командир первого эскадрона. – Как-никак, а ведь самая первая награда! Ну все, я пришел, давай, Серж, до завтра!

– До завтра, – кивнул Огнев и пошагал по улице дальше.

– Эскадрон, равня-ясь! Смирно! – крикнул капитан Огнев, заметив движение в их сторону высокого начальства.

Тимоха, сидя верхом, резко повернул голову направо и затем приподнял ее вверх, глядя прямо перед собой. «Только бы Чайка не подвела», – тревожила его сейчас мысль. Всех заранее строго-настрого предупредили: чья лошадь сломает строй и нарушит единообразие и общее благолепие смотра, того ждут больши-ие неприятности.

– Тихо, тихо, хорошая моя, – чуть слышно прошептал он и потрепал кобылу по холке. – Стой смирно, с меня потом угощение.

Чайка словно бы поняла хозяина и, фыркнув, слегка мотнула головой.

Лошади стояли в четырех длинных шеренгах. Место Гончарова было во второй, ближе к центру, что было довольно рискованно, учитывая, что любое начальство обычно любило «толочься» как раз-таки посредине строя.

– Каковы, а, князь? Ведь ничем не хуже столичных гвар-

дейцев будут?! – громко крикнул шеф полка генерал-майор Портнягин. – Лучший драгунский полк на всей Кавказской линии! Мне вот за него ничуть даже не стыдно!

– Да, неплохи, неплохи, – кивнул, осаживая своего коня, чернобровый, смуглый, с большим орлиным носом и резкими чертами лица полковник. – Лошади в эскадронах ухожены, амуниция начищена, люди с виду тоже веселы и отважны.

– А то! За недавний штурм крепости только вот с этого эскадрона два офицера к Аннинским крестам представлены, а еще пятеро – из унтеров и солдат – к Аннинским медалям, – проговорил весело генерал. – Вместе, все как один, колоннами они недавно на стены шли. Орлы! Порадовали государя императора!

– Да-а, чуть-чуть я не поспел к штурму, – досадливо поморщился полковник. – Если бы не эта задержка с болезнью...

– Ничего, князь, все Закавказье до самой Персии теперь перед нами, – махнул рукой в южную сторону Семен Андреевич. – Еще и Георгиевский крест, помяни мое слово, себе на грудь, Элизбар Евсеевич, совсем скоро заработаешь!

Затем оглядел замерший перед ним эскадронный строй и, набрав полную грудь воздуха, громко его поприветствовал:

– Здравствуйте, драгуны славного Нарвского полка!

– Здравья желаем, Вашдительство! – громко рывкнули в ответ кавалеристы.

У нескольких драгун, в основном из молодых, кони заволновались, и в двух шеренгах даже случилась небольшая сутолока. Но начальство изволило этого не заметить и отъехало к следующему эскадрону.

— Ну все, вот и у нас есть повинные, — проговорил за спиной Тимохи Савелий. — Повезло еще, что не с первой шеренги отличились. — А новый командир-то вроде как неплох, боевитый с виду, а, братцы?

— Так он ведь из грузинских князей сам родом, — ответил всезнающий Герасим. — Мне перед построением Мишка из полкового штаба про него сказывал, что он, дескать, из потомства тех местных князей Эристовых, которые еще аж при ампираторе Петре Первом на службу в Рассею выехали. Так что горячая, кавказская кровь у их светлости.

— Разговорчики! — послышался громкий оклик с правого фланга. Подпоручик Кравцов привстал на стременах, пытается разглядеть «самых общительных» в своем взводе.

— Тихо, а ну-ка тихо, братцы! — рявкнул унтер Сошников. — А не то тоже всех к повинным причислят. Языки прикусили!

В отдалении послышалось громогласное приветствие третьего эскадрона, а вскоре за ним и последнего, четвертого. Начальство обошло общий строй, познакомилось со своим личным составом и теперь изволило принять парад.

— В колонну по шесть! — донесся крик подполковника Бомбея. — Направляющим — первый эскадрон! Дистанция

между эскадронами – десять шагов, между рядами колонн – три шага! По-олк, марш!

Ряды драгун шли ровным шагом по широкому ровному выгону.

– Смирно! – ровно за десять шагов до принимающих парад кричал каждый из эскадронных командиров. – Сабли-и вон! На плечо! Равнение направо!

Тимоха выхватил из ножен свою и, положив ее тылом (стороной, обратной заточенному лезвию) на правый погон, старался ехать как можно ровнее. Вот и новое полковое начальство с генералом. Портнягин, улыбаясь, что-то оживленно рассказывал полковнику с выделяющимся на его лице большим, орлиным носом. Тот кивал в ответ и внимательно разглядывал проходящие мимо ряды теперь уже его полка.

– Эскадро-он, сабли!

– В ножны!

«На первой команде клинок на две трети вставляется в ножны, вот так, – шептал про себя Тимоха, работая саблей. – На второй команде резко кидаем его в ножны. При этом спина прямая, держимся по команде смирно».

– Вольно! – наконец донесся крик капитана.

Ну а теперь можно принять свободную позу.

– Все, парад закончен, всем спасибо, все свободны, – пробормотал он, косясь на правофлангового унтера. – Виноватым выволочка, общественное порицание, позор и штрафные работы, всем остальным – чистить лошадей и готовить-

ся к дальнему выходу.

– Чего ты там бубнишь? – взглянул на Тимофея следующий справа младший унтер-офицер.

– Да я говорю, запасные саквы под овес нужно бы подшить, Ефим Силович, – ответил отделенному командиру Тимоха. – Ежели впереди у нас такой долгий выход намечается, так побольше верхами приторочить его надобно.

– Это да-а, – задумчиво куснул ус едущий рядом ветеран. – Но и на целый месяц фуража ты ведь эдак все одно на себе не сумеешь вывезти. – А окоромя него, еще сколько с собой надобно будет тащить! Эх, вот же сподобило начальство в такую-то пору нас из крепости гнать, – крикнул он недовольно. – Самое гнилое время – этот февраль месяц на всем Кавказе будет.

– Так говорили же вроде, что в ноябре самое гнилое? – с невинным видом спросил его Тимоха.

– И ноябрь тоже! – буркнул расстроенный унтер и покосился на молодого драгуна. – Да-а, говорил, а чего ты там фыркаешь?! Тут, Тимка, даже и с самого октября и аж по середину марта эдакая неудобь. Все время ветра порывистые дуют, снег вперемешку с дождем идет, да собачий холод до костей пробирает. Оно вроде и не такой сильный этот мороз, как у нас в Рассеи, но какой же он противный, зараза!

– Зато потом жара невозможная все время стоит, – вставил свое слово едущий с левого бока Герасим, – Кавказ, едрит его через коромысло!

Эти и следующие сутки были суматошными, первый и второй эскадроны спешно готовились к выходу.

Глава 2. Придорожная крепость

– Ну что, Илья, тут будем прощаться? – проговорил Огнев. – Нам направо, к Севану, а тебе прямо, к Шуше идти. – Вот она, та самая развилка, про которую Васиф нам говорил. А вон гляди, и он сам сюда скачет.

Навстречу колонне драгун из-за поворота в горном распадке выехала пара десятков конных татар.

– Капитэн, путь свободна! – выкрикнул их старший. – Мало-мало ехать, потом аул будет, там отдыхать.

Первый эскадрон капитана Самохваловского пошел дальше на юг, в сторону Карабаха, а драгуны Огнева свернули на западную часть дороги, которая вела вдоль озера Севан к Эривани. Сто двадцать шесть драгун, три десятка казаков и пара десятков гянджинцев из бывшего войска хана ехали сейчас в этом отряде. Повозок в нем не было – фураж, провиант и все необходимое для долгого пребывания вдали от основных сил везли на верховых лошадях.

Село Чепли располагалось в горной местности около реки Лев. Было оно небольшим. От силы два десятка сложенных из камня хижин, крытых сверху соломой, виднелись на склонах.

– Здесь отдыхаем пару часов, затем снова в путь, нам заветно еще пару десятков верст нужно будет успеть пройти, – распорядился командир эскадрона. – Подпоручик Кравцов,

твой взвод в карауле, людей наполовину разбивай и выстав-
ляй их с двух сторон, неподалеку от аула. Особый пригляд
за западной дорогой ведите. Отсюда до Эриванских земель
уже не так и далеко.

В низине, там, где виднелись низкие строения аула, сте-
лился дымок. Похоже, артели развели костры, драгуны гре-
лись у них сами и готовили скорый перекус. Тимофей стрях-
нул дождевые капли со ствола мушкета и поежился. Рядом,
завернувшись в плащ и примостившись за большим камнем,
грыз ржаной сухарь Савелий.

– Любит Сергей Иванович наш взвод, – жуя, пробормотал
он. – Как вдруг какой караул или же дальний разъезд, так
четвертый отправляет. А как лагерь обиходить, палатки вы-
ставить, костры запалить – так это третий или второй.

– А чего ты хочешь, служба фланкеров – она такая, она
завсегда боевитей, чем у линейщиков, – ответил ему Наум
и кивнул на прислоненное к камню, завернутое в холстину
короткое ружье. – С того к нам и собрали все эти, которые
с винтовальными стволами.

– А-а, дурное оружие, – отмахнулся Малаев. – Для шты-
кового боя винтовальный карабин вовсе даже не пригодный:
заряжается он долго, капризный, через каждые три-четыре
выстрела ему в замке дырку прочищать к дульному заряду
нужно. То ли вот дело – наш мушкет.

– Э-э, ты, брат, так не скажи, – покачал головой Наум. –
Зато у меня на три сотни шагов прицельно против ваших

полтора ста пуля бьет. Вы из шеренги в белый свет наугад лупите, а у меня каждый выстрел свою цель находит.

– А ну, тихо вы, спорщики! – рявкнул Федот. – Кажись, скачет кто с Эриванской стороны. Может, Васифа люди с огляда возвращаются?

– Да не-ет, наши татары все уже давно в аул обратно заехали, – Савелий засыпал сухарные крошки в рот и прилег на камень рядом с Тимофеем. – Гляди-ка, а ведь точно кто-то скачет. Ну и глаз же у тебя, Федот Васильевич! Чего делать-то будем?

– Как их благородия и наказывали, сидим скрытно, пропускаем через себя всех и потом выходим им за спину на дорожку, – вглядываясь в дальние фигурки, процедил старший секрета. – А там уж дальше как пойдет. Ну, все, Савелий, нашим знак давай, и дальше лежим тихо.

Через несколько минут мимо скрытого за камнями поста проехали семь всадников. Двигались они сторожко, оглядывая горные склоны. Все в черных лохматых шапках и накинутых на плечи бурках. В руках у троих виднелись ружья. Тимофею показалось даже, что он почувствовал на себе их цепкие взгляды, и он сильнее прижался к камням.

– Не-е, это уж точно не караванщики, те так боевито не держатся, вишь, как волки, все вокруг оглядывают, – прошептал лежащий рядом Савелий. – Ну, чего, Васильевич, выходим, что ли? Отъехали ведь уже!

– Лежать! – рявкнул тот. – Рано пока! Ежели их спугнем

раньше времени, не удержим у себя, прорвутся обратно и донесут о нас. А может, это и вовсе даже не эриванские? Может, это карабахские или нахичеванские? С ними-то у нас никакого разлада нет. Тьфу ты, тут ведь сам черт ногу сломаёт, пока разберешь, кто есть кто!

Всадники отделились уже на две сотни шагов от секрета и приблизились к тому месту, где находился основной русский караул. Им осталось еще немного проехать по дороге, и аул с расположившимся в нем эскадроном будет у них как на ладони.

– Наум, ты на месте выцеливай сверху, остальные за мной! – резко скомандовал Федот, и трое драгун, выскочив из-за камней, поспешили вниз по склону.

Выбегая на дорогу за Малаевым, Тимофей услышал один, потом второй одиночный выстрел, а затем уже грохнул целый залп.

– Штыки, братцы! – крикнул старший караула, пристегивая свой к дулу мушкета.

«Толку-то от них в рассыпном строю против конницы, – думал Тимофей, доставая клинок из чехла. – Только бы ребята положили там большую часть, иначе ни за что не удержим татар! А может, там всех одним залпом с коней собьют?»

Топот копыт разрушил все надежды, на них во весь опор неслось несколько всадников в черных лохматых шапках.

– Целься лучше, братцы! – крикнул Кошелев и щелкнул

взводимым курком мушкета.

«Двое, а нет, их трое, один чуть отстал и скачет за двумя передними! – пронеслось в голове у Гончарова. – Нужно стрелять наверняка, иначе они их всех тут стопчут и порубят».

Мушка легла в такую неудобную прорезь хвостовика-целика и замерла на груди у правого всадника. Шагов пятьдесят, даже уже чуть меньше оставалось до него, когда драгун плавно выжал спусковой крючок.

Три выстрела грохнули почти одновременно. Два пробитых тяжелыми пулями в упор тела выпали из своих седел. Кони без хозяев неслись дальше, и, чтобы его не затоптали, Тимоха резко бросился к обочине. То же самое одновременно с ним сделали и Савелий с Федотом.

Пригнувшийся к гриве вороного жеребца, за порожними конями несясь последний, третий всадник.

– Уходит! – крикнул Кошелев. – Наумка! Бей его, гада, бей!

Тимофей выхватил пистоль из накинутой на плечо кобуры и, старательно прицелившись, выстрелил вслед скачущему. Мимо! Он досадливо поморщился и погладил плечо. Лишь бы шов опять не разошелся. Да, вроде бы смягчил удар приклада подложенный заранее матерчатый валик.

– Наумка, ну, чего ты ждешь?! – Уйдет ведь! – кричал Федот, орудуя шомполом в стволе мушкета. – Ну-у!

«Бам!» – резко ударил выстрел со склона. Шагах в семи-

десяти от передового секрета конь на полном скаку вздыбился, и его вынесло силой инерции прямо на камни.

– Попал, гляди-ка, попал! – заорал в восторге Савелий и рванул по дороге. Вслед ему бежали и Федот с Тимофеем.

– Да-а, все-е, готовый, – вздохнул Малаев, ощупывая лежащего на камнях всадника.

– Конечно, готовый, сам, что ли, не видишь, как у него шея повернута? – проворчал Кошелев. – Несся-то он как, как нессия! Небось, уже думал, что проскочил нас, спасся, а тут вдруг пуля в коня ударила. Гляди, как удачно Наумка попал, прямо под лопатку она ему сверху зашла.

Со стороны аула показалась группа бегущих людей, и вскоре тройку из выносного секрета обступили ребята из основного караула.

– Не упустили! Всех троих уложили! – радостно прокричал унтер-офицер, завидев лежащее на камнях тело всадника. – А мы слышим, вы тут бахаете, ну, думаем, все, прорвались через вас татары! Как пить дать прорвались! Сами-то все целы, никого не посекли?

– Да мы-то целы, Ефим Силович, – пожав плечами, ответил командиру Федот. – Думали, может, языка тут получится взять, но вона, сами же видите, как он расшибся.

– Да ладно вам тужить, у нас есть уже там подранок, – отмахнулся Сошников. – Главное, что никто от нас прочь не ускакал, всех семерых мы тут вот, на этой дороге прихлопнули. Капитан точно будет доволен. Молодцы, братцы! А вон

и наши сюда из аула скачут.

С отправкой дальше по тракту чуть задержались, но вот господа офицеры допросили через толмача раненого и наконец отдали команду готовиться к выходу.

Тимофей, обжигая губы кипятком, дохлебал свой травяной чай, сунул в карман недогрызенный сухарь и пошел вслед за остальными драгунами к лошадям.

— Еще пара дней пути нам осталось, — словно бы с человеком, разговаривал он с Чайкой. — Не капризничай, стой смирно, а ну-ка, — и, приноровившись, затянул туже подпругу. — В крепости пока квартировались, шибко ведь застоялась, самой бегать хотелось, вот и не жалуйся теперь!

— Эскадрон, по коням! Садись! — донеслась команда капитана. — В походную колонну по двое. Четвертый взвод в авангарде и арьергарде. Колонна, ма-арш!

Первыми на запад проскакали три десятка казаков с гянджинцами Васифа. Затем проследовал подпоручик Кравцов с двумя отделениями, а чуть позже пошла и основная колонна эскадрона.

— Пошли помалу! — скомандовал своему отделению Сошников. — Во-от как раз за три сотни шагов от остальных и будет наше место в заслоне.

Несколько селян, вышедших к дороге, провожали взглядом уходящих русских. Двое стариков, опираясь на клюки, о чем-то оживленно между собой судачили.

— Вишь оно как — не боятся уже нас, — кивнул на них еду-

ций рядом Савелий. – Это попервой все забились по углам и, как мыши в своих норах, сидели. – Рус, рус олдурмэ! Не убивай нас! А как только с ними серебром начали расплачиваться, так сразу ожили и даже торговаться начали.

– Кавказ – тут всегда эдак, братцы, – обернувшись, сказал им Чанов Иван. – Одной рукой они кинжал за спиной держат, а другой товар для торговли тебе протягивают. Зевать только тут нельзя, а то и серебра одним разом лишишься, и башки своей, а горец-то все одно с барышом останется.

Лошади проехали то место, где буквально час назад стоял караул с передовым секретом. Крови на камнях уже не было, потеплело, и с неба опять шел мелкий противный дождь вперемешку со снегом, смывающий все следы.

– Местным трупы отдали, вот сами и схоронят их, как и положено, по своему обычаю, – донесся до Гончарова разговор Сошникова с Федотом. – А за это все, что нужно, с них себе заберут, наши одно лишь только оружие с убитых татар сняли. Ну а нам теперь до Басаргечара побыстрее бы нужно добраться. Вишь, вон как хорошо с этим разъездом получилось? Не ждут нас пока что в Эриване с этой, с Гянджинской стороны. Потому легко можем к нужному месту пройти.

Двое суток шел отряд по горной дороге. Одну ночевку сделали в ауле, а вот последнюю уже ближе к конечной точке маршрута в глухом ущелье. Шумела неподалеку от стоянки речка, а Тимоха, привалившись к камню и щурясь, смотрел на огонь. Вот так же ровно полтора года назад сидел он воз-

ле костра у горы Торатау в другом времени, в том простом и понятном, где были мама с папой, где были беззаботная студенческая жизнь и друзья-оболтусы. А в этом ты даже и не знаешь, где ночью голову преклонишь, чем поужинаешь, да и вообще – переживешь ли завтрашний день. Здесь все очень и очень непонятно. С другой стороны, он давно тут был, что такое меланхолия, что такое тоска, уныние и всякая прочая дурь, так часто сопровождавшая его и его сверстников в том далеком времени. Уж что-что, а жить здесь было очень интересно. На уныние, на самокопание и пустое безделье времени здесь попросту не было. Попробуй ты кому-нибудь сказать, что у тебя, дескать, нет настроения, и потому ты не расположен что-нибудь делать. Посмотрят как на дурака, а унтер так еще и леща с разворота по дурной башке даст, и лишний наряд заодно к нему же приложит, «ибо от безделья всякая блажь с человеком приключается, и хорошим трудом она лечится». Да и люди тут другие, простые они какие-то, настоящие, цельные. Вон они с ним как все нянькались после штурма крепости, словно бы с малым ребенком. А в бою как его спасали, когда он от потери крови ослаб! Савелий с Чановым Иваном собой прикрыли от татарских клинков, и тем дали его другим за их спины оттащить.

– Тимка, ты чего не спишь, чего в огонь таращишься?! – приподнял голову с кошмы отделенный командир. – Завтра ведь, как куреныш, весь квелый будешь, а там в бой идти! Ложись быстро, а не то в караул у меня загремишь!

– Да сплю я уже, сплю, Ефим Силович, – проворчал Гончаров и, подняв воротник шинели, закрыл глаза.

– Со слов взятого позавчера на дороге языка, в Басаргечаре стоят всего лишь три десятка воинов хана, – пояснял собранным командирам капитан Огнев. – Казалось бы, что это такое – три десятка татар против нас? Но все дело в том, что к западу, в версте от аула, есть развалины старинной крепости, той, которая издревле перекрывала и сторожила эту дорогу. И миновать ее стороной нам никак нельзя. В самой крепости татар немного, со слов пленного их там не больше десятка стоит. Но есть при них один фальконет. В общем, большой крови она нам стоять будет, если дуром полезем. Так что давайте думать, как нам ее взять и как при этом своих людей не положить.

– Эх, была бы у нас хотя бы одна пушка! – проговорил с досадой командир первого взвода подпоручик Зимин. – Сбили бы ядрами тот фальконет и картечью бы стрелков причесали. А сами «ура»! И в штыки! Всех бы разом там перекололи!

– У меня восемь штуцеров, может, их издали огнем там прижать? – предложил Кравцов. – Коли высовываться не будут, так по склону сможем забраться и, как Николай предложил, – в штыки?

– Было бы раза в три у нас больше винтовальных стволов, может, и прижали бы, – проворчал командир эскадрона. –

А так, ну как ты их, Павел Семенович, прижмешь с таким вот редким огнем? Нам еще перед крепостью и сам аул ведь нужно будет тихо пройти. Казаки доложили, что ночью там, в карауле, только лишь двое стоят, если вдруг шуманем, пока с теми, кто в ауле сидит, разберемся, в крепости уже давно к бою изготовятся. Нет, тут, господа, надо хорошо подумать. Нужна какая-нибудь особенная военная хитрость.

Он оглядел стоящих рядом, и его взгляд остановился на Васифе.

– Тимоха, подъем, подъем! – Сошников потряс за плечо Гончарова. – Ночью нужно было спать, а не таращиться на огонь. Встаем все, быстрее, братцы, скоро команда на построение уже будет!

– Куда так рано-то подняли? – ворчал Савелий. – Еще даже с востока не сереет, а уже вставать.

– Разговорчики! – рявкнул проходящий мимо вахмистр. – Кому чего тут не нравится?! Тебе, что ли, Малаев?

– Нет-нет, Лука Куприянович, я ничего, – открестился тот. – Коней, говорю, нужно обиходить, фураж им успеть задать.

– Некогда обихаживать, быстро все в строй! – рявкнул старший унтер. – Сейчас командир эскадрона задачу будет ставить на утрешний бой, вы в нем – главные застрельщики, а все вошкаетесь. Быстрей давайте шевелитесь!

– Четвертый взвод, где вы? – донесся крик штабс-капитана Родионова. – Тут вот, у этого камня, вставайте, рядом с

казаками!

– Быстрее, быстрее встаем! – слышались окрики унтеров. Наконец неровные шеренги замерли на относительно ровной площадке среди разбросанных на берегу реки валунов.

– Фланкеры, на вас особая надежда, – оглядев освещенные костром лица драгун, проговорил командир эскадрона. – Казаки с гянджийцами, то есть уже с елисаветпольцами, должны втихую вырезать караул в ауле и потом будут выдвигаться ближе к крепости. Ваша задача, четвертый взвод, пойти с ними, атаковать ее и взять. Как это лучше сделать, вам на месте уже объяснит командир взвода, подпоручик Кравцов. В помощь я даю вам еще два десятка людей из первого взвода. Поторопитесь, братцы, пока не рассвело – самое удобное время через спящий аул втихую пройти.

– Не нравится мне все это, – пробурчал идущий рядом с Тимофеем Малаев. – Не приучены мы по скалам карабкаться и бой в горах вести. Как-никак мы ведь есть кавалерия, а не пехота, и нарезных, точных ружей у нас кот наплакал. – А с этими коротышами та еще эта война, – хлопнул он по прикладу своего мушкета. – Тут бы егерям было сподручней татар из-за камней выковыривать, а не драгунам.

– Да были бы они тут, эти егеря, – проворчал Чанов. – Они сюда дня через три, никак не раньше, подойдут.

– Чего же нам, все это время здесь, в ущелье, их дожидаться? Правильно все их благородия сказали: пока эриванцы нас тут не ждут, нужно бить, протянем – потом подмогу

пришлют, и целым полком их уже с этой дороги не выковырнуть.

— Разговорчики! Тихо ступайте! — донесся приглушенный возглас подпоручика. — Подходим уже!

— Сюда, сюда! — У тлеющего на обочине дороги костра стоял с саблей казак и махал рукой подходящей колонне. — Прямо ступайте, господин охфицер. Там дальше уже вас проводят. Только тихо, через два десятка шагов ихние хаты начинаются. Где татарва оружная там опочивает, нам это неизвестно, а эти уже никому ничего не расскажут, — кивнул он на лежащие подле углей костра тела.

Колонна драгун, стараясь не шуметь, прошла по улице. В руках у Тимофея был зажат мушкет. Он в напряжении вглядывался в темные пятна домов, виднеющихся за каменными заборами. Так и казалось, что вот-вот блеснет в ночи яркий огненный всполох и ударит в упор ружейный залп. Но все было тихо, пара казаков вынырнули откуда-то с боку и повели колонну дальше по дороге.

— Вон он, огонек тех караульных, — протянув руку вдаль, сказал старший из казаков. — Попробуем так же, как и с теми в ауле сделать? Васиф с тремя своими впереди будет ехать, заговорит их маненько, а как мы вплотную сблизимся, быстро всех срубим?

— Рано, подъесаул, — покачал головой Кравцов. — Пока еще темно, нам нужно как можно ближе подойти, а вдруг вы шуманете у поста? И что нам потом, под пулями три сотни ша-

гов по открытой дороге бежать? Давай лучше мы как можно ближе подойдем, вот тогда уже действуйте.

– Рассвет скоро, – кивнул на восточную сторону неба Намум. – Если бы не эта хмарь дождливая, так совсем бы уж светло стало.

– Пошли потихоньку! – раздался шепот унтеров. – Застрельщики, кто с винтовальными карабинами, те вперед. Вам приказано у подножия склона по бойницам огонь вести. Всем остальным быть готовыми наверх лезть!

Тимофей присел за большой камень, что лежал на обочине. С левой стороны ущелье уходило резко вниз, и оттуда сейчас слышался шум горной речки. С правой стороны высился крутой скалистый склон. Посредине проходила старинная дорога, связывающая, как говорил командир взвода, Эривань и все западное Закавказье с восточным, и выходящая на побережье аж самого Каспийского моря.

«Не зря мы тут стараемся этот путь перекрыть, – думал Гончаров, всматриваясь в темноту. – Похоже, к лету князь Цицианов войска на саму Эривань двинет. А это значит, что жаркое время битв приближается!»

Видимость вокруг становилась все лучше, ночная мгла понемногу рассеивалась, и уже стали различимы очертания камней в трех десятках шагах. За многими из них виднелись сидящие и изготовившиеся к бою драгуны. Вдруг раздался пронзительный свист, и мимо, по дороге, проскакал отряд всадников. Около костра заметались тени, и раздались

встревоженные крики.

– Вперед, братцы! – взмахнул рукой сидящий рядом Силович, – Наумка, Осип, Егор, сразу берите на прицел крепость!

Не успела штурмовая колонна пробежать и двух десятков шагов, как на верху темного склона мелькнул огонек и по ущелью разнесся громкий звук выстрела.

– Ну все, не получилось по-тихому! – воскликнул Кравцов, выхватывая из ножен саблю!. – Вперед, братцы! В атаку! Ура!

– Ура-а! – закричали пять десятков глоток.

Колонна рассыпалась, и драгуны бросились к тому месту, где у костра метались тени и сверкали огненные всполохи выстрелов.

На темнеющем скальном склоне блеснула одна, вторая, третья искра, а затем словно бы ударила молния и донесся громовой звук орудийного выстрела. Картечь с визгом prošлась по камням и по мечущимся у подножия скалы фигуркам. До бегущих долетели громкая ругань, крики боли и стенания.

– Застрельщики, бить по фальконету! Не давайте им его перезарядить! – крикнул, обернувшись, подпоручик. – На склон, братцы! Вперед! В атаку – ура!

– Ура!

– Ура! – прерывисто кричал Тимофей, с шумом выдыхая воздух из глотки. Какая-то сотня шагов по дороге и еще па-

ра десятков по круто поднимающейся вверх тропе, а у него уже перехватило дыхание. Мимо головы просвистела пуля и ударила в камень уступа. Гончаров инстинктивно пригнулся и получил толчок в спину.

– Вперед! Не останавливаться! Встанем здесь – всех, как куропаток, перестреляют! – раздался за спиной крик командира взвода.

Бегущий впереди драгун из третьего отделения вдруг вскрикнул, замер на месте и, пошатнувшись, покатился по камням вниз.

– А-а-а! – заорал Тимка и в отчаянии кинулся вверх.

Тропка резко повернула налево, и он увидел перед собой размытые очертания каких-то рукотворных строений. Среди них блеснул яркий огонек, и полу его шинели резко дернуло. Не помня себя, Гончаров ринулся вперед и стремглав преодолел пару десятков шагов прямого расстояния до крепости. Вслед за ним под ее основание перебежали Савелий и господин подпоручик. Широкий дверной проем, к которому подходила тропа, был закрыт тяжелой, обитой железными полосами дверью. Небольшое окошечко в самом ее верху открылось, наружу высунулся ружейный ствол и, громохнув, послал пулю на тропу.

– Гончаров, вон то окно, справа от двери видишь?! – Кравцов кивнул на верхнюю узкую бойницу. – Ты у нас худой, должен в него пролезть! – и сунул свой пистоль Тимофею за пояс. – Ружье мне оставь. Заберешься наверх, заки-

нем. Быстрее на плечи вставай! Малаев, а ты о стену обопришь, держи его! Быстрее, быстрее, братцы!

Савелий уперся руками в камни стены, подпоручик присел, сцепив в замок руки, и, наступив на них, словно на перекладину лестницы, Тимоха через пару секунд стоял уже ногами на плечах Малаева.

«Сейчас поднимусь, и мне точно башку снесут!» – думал Гончаров, подтягиваясь. Нога нашла опору в выступающем камне, и оттолкнувшись от него, он резко перевалился вовнутрь темного помещения. Раздался оглушительный грохот, сверкнуло пламя ружейного выстрела, и в его ярком свете он увидел шагах в пяти человека. Как видно, эриванец был увлечен сейчас стрельбой и не сразу заметил появления возле себя чужака. Тимофей выхватил из-за пояса пистоль подпоручика и в упор разрядил его в темный силуэт. В оконном проеме сзади блеснула сталь и, звякнув, рядом упал его мушкет. Подхватив оружие, Гончаров бросился вперед. Где-то тут должен бы быть спуск, ведущий к наружной двери. Не открой он ее и не запусти вовнутрь подмогу, долго ему здесь точно не продержаться. Перебежав по развалинам, он наткнулся на то, что искал: перед Тимофеем был проем с грубо сколоченной деревянной лестницей, ведущей вниз. Закинув мушкет за спину и взяв в руку свой пистоль, он начал медленно спускаться. Нижний этаж здесь подсвечивался масляными лампами, и в их свете он увидел копошащихся у небольшого орудия людей. Двое, как видно, наводили его на

цель, а третий уже подносил к стволу горящий пальник.

«Бам!» – вдруг ударил за спиной выстрел, и, инстинктивно дернувшись, Гончаров выжал спусковой крючок пистоля. Человек с пальником пошатнулся и рухнул на пол, а за спиной раздался встревоженный крик. Спрыгнув на пол, Тимофей сорвал из-за плеча мушкет, резко развернулся и с ходу влупил подбегающему от двери воину боковым ударом приклада в голову.

Позади слышались тревожные крики. Не мешкая, он, подскочил к двери и сбил мощный засов прикладом в бок. А теперь и сама дверь!

В раскрытый проем заскочили одновременно Кравцов с Савелием, а за ними виднелись бегущие по тропинке драгуны.

– Gəlin imtina edək! Biz imtina edirik! Öldürmə!¹ – донеслись крики из глубины крепости.

– Оружие на пол! На пол сабли и ружья! – рявкнул Кравцов. – Где там Васиф или кто-нибудь из его людей?! Переводите этим!

Тимофей сидел на корточках, прислонившись к наружной стене крепости. Его била дрожь. Ноги были словно ватные. Перед глазами проносились кадры минувшего боя. Проби-тый свинцом драгун катится вниз по камням, всполохи выстрелов и свист пуль, кричащий ему подпоручик, его пистоль, засунутый за пояс, узкая бойница, куда Тимофей ны-

¹ «Сдаемся! Мы сдаемся! Не убивайте!» – азерб.

ряет, точно в черный омут. Оглушающий гром выстрела внутри крепости, бегущий на него воин с ружьем наперевес, удар прикладом, противный хруст и забегающие в открытую дверь драгуны. Все смешалось, словно бы в каком-то сонном бреду.

– Молодец, Гончаров, лихо ты им там дал! – подпоручик потрепал по плечу вскочившего на ноги кавалериста. – Отмечу тебя в рапорте их высокоблагородию. Глядишь, и премиальные за это дело выпишут.

– Рад стараться, вашбродь, – пересохшими губами пробормотал тот.

– Целый-то хоть сам? – оглядел его быстрым взглядом взводный. – Целый, ну-ну, повезло, – и пошел вниз по тропе.

– А я давно уже сказал, что будет с тебя толк, – ухмыльнулся вышедший вслед за офицером Сошников. – Молодец, Тимоха! Видишь, как удачно все получилось, чуть бы замедлились на марше и при утреннем свете даже не подошли бы к стенам.

Из крепости вывели пятерых пленных, а потом вытащили три трупа.

Внизу, на дороге, шла суeta, перекрикивались драгуны, и слышались команды унтеров. Рассвет разогнал тьму и осветил только что захваченные укрепления. Как видно, небольшая крепость стояла на этом удобном для обороны месте еще издревле, не раз за долгие века она разрушалась и перестраивалась. Вот и сейчас поднявшиеся по крутой тропе

офицеры оживленно между собой беседовали, осматривая ее.

– Вот тут еще бойницу пробить и здесь, – донеслось до Гончарова. – Для фальконета площадку нужно расширить, чтобы его разворачивать во все стороны можно было. Верх бревнами перекроем и потом дранкой, дабы влага вовнутрь не шла.

– Драгун, чего тут без дела толчешься? – Капитан Огнев строго посмотрел на стоящего у входа Тимофея.

– Ваше благородие, это тот самый Гончаров, про которого я вам рассказывал, – негромко доложил командир эскадрона Кравцов. – Это он в верхнюю бойницу пролез.

– Вот, правильно, бойницы еще нужно заузить! – встрепнулся капитан. – Чтобы если вдруг штурм случился, и с нами так же не вышло. Молодец, Гончаров, смотри-ка, а ведь молод, только недавно к нам в эскадрон пришел, – скользнул по стоящему навытяжку драгуну взглядом Огнев и зашел вовнутрь крепости.

– Иди, иди, Тимофей, – махнул ему рукой подпоручик и прошел вслед за командиром. – Там, внизу, лучше посиди, не перед глазами.

Глава 3. За фуражом и провиантом

– Ну все, вот и заканчивается наше спокойное здесь сидение, – глубокомысленно проговорил Чанов, провожая взглядом уходящий в сторону Эривани караван. – Помяните мое слово, братцы, дня четыре, от силы если пять, пройдет, торгаши уйдут за Севан, и можно будет сюда ханский разъезд ждать. Все караванщики про нас расскажут.

– А как же ты хотел, Вань, месяц март начался, весна всю идет, вот и торговый путь тоже оживает, – заметил Федот. – Ничего, у нас теперяча есть, чем гостей здесь встретить, – кивнул он на обкладывающих большими камнями пушку солдат. – С егерями из семнадцатого можно и эриванцам тут укорот дать. Здесь, в этом узком месте, им особенно никак не развернуться.

Тимофей в это время сидел на плоском камне возле Конькова и, жмурясь от лучей жаркого солнышка, слушал его рассказ.

– В егерях хорошо служить, Тимоха, – важно проговорил Ванька. – Строевой шагистикой нас ажно полгода уже как не гоняют, букли мы в полку и вовсе даже не крутим. Приварок нам больше вашего положен. Хорошо! Нет такой строгости, как в линейных, в мушкетерских полках. Главное – это самому быть проворным, соображать быстро, ну и, конечно, метко стрелять. С командиром мне еще повезло: капитан Котля-

ревский просто так никого в роте не обижает. Ранен только вот он после штурма крепости, сейчас в Гяндже, на излечении остался. За геройство к майорству его приставили, а на ротного Одинокова Петра Александровича определили. Ты же с ним в добрых отношениях, помнишь, как он тебе книги читать по пути в Астрахань давал? Не разговаривали пока?

– Да когда же, Вань? – пожал плечами Тимоха. – Мы ведь все на этих дозорных выездах были. Да и неудобно как-то мне к нему подходить, он тоже вон все время занят, оборону крепости и аула налаживает. Что я ему скажу? «Ваше благо-родие, помните меня, Гончарова Тимофея? Мы еще с Ввами с Уфы по Волге на баржах сплавлились».

– Ну, не знаю, – вздохнул Коньков. – Смотри сам, Тим-ка. Так-то он с солдатами всегда по-человечески обращает-ся. Бывает, конечно, и строг, но только по делу. Обещал мне скоро штуцер во владение выдать. Вот это ружье так ружье, я тебе скажу! Жаль только, мало их у нас, самым умелым винтовальные ружья только дают. От положенного аж треть их нам не хватает.

– У нас и того хуже – половины винтовальных карабинов нет, – хмыкнул Гончаров, поглаживая ствол мушкета. – А мне и это ружье нравится. Здесь, в горах, далеких целей ведь мало. Заряжается оно весьма быстро с этим укороченным стволом. Пока это ты свою пулю в винтовальный ствол заго-нишь, у меня уже четыре из моего гладкого коротыша выле-тит.

– И ни одна в цель не попадет! – усмехнулся Коньков.

– Ну ты наговоришь тоже! – вскинулся Тимофей. – И вообще, у нас кони есть, а у вас их нет, вот вы, «зеленые», и завидуете с того драгунам.

– Да больно надо вам завидовать, – рассмеялся егерь. – За ними сколько же ухода и мороки! Мы вон у костра уже вечером все сидим, греемся, сухари грызем, а вы там бока своим кобылам щетками скребете.

– Вот они где пристроились! – Из-за поворота тропы вынырнул Савелий. – Тимоха, тебя там Сошников срочно зовет, подпоручик весь взвод у дороги строит. А ваш капитан, Ванька, он ведь тоже чегой-то людей возле крепости собирает. Бегом давайте, а то ведь начальство, оно ждать не любит, обозлите его, так сами на себя потом пеняйте.

– Вот он, господин подпоручик, спешит, – кивнул на подбегающего егеря Силович. – А ну-ка быстро в строй встал! Мы уже все здесь давно, а тебя все нет, Тимоха!

– Так, теперь все на месте, – оглядев стоявших перед ним в шеренгах людей, проговорил Кравцов. – Взвод, слушай меня внимательно! Командиром эскадрона нам поставлена задача – сделать выход по западной дороге к селу Мец. Помимо разведки местности, велено нам пополнить запасы провианта и фуража. Сами, небось, понимаете: в сторону Эривана пойдем, поэтому придется держаться в готовности к бою. Всем час на сборы. Покормите лошадей, проверьте оружие и амуницию, сами перекусите, и потом по моей команде вы-

ступаем.

Тимофей напоил Чайку, насыпал ей в торбу пару гарнецов овса и, пока она его шумно фыркая хрумкала, самым тщательным образом ощупал всю подпругу. Никакого небрежения тут не должно было быть – горные дороги такое не прощали. Рядом обихаживали своих лошадей, навязывали им к седлу саквы и переметные сумы драгуны из его взвода.

– Хитер господин капитан, – переговаривались между собой унтера, так же, как и все остальные, готовя лошадей к выходу. – Гарнизон крепостицы наскоком мы выбили и сидели тут, как мыши, тихо, а теперь-то что, теперь-то, конечно, как раньше, долго не усидишь – с караванщиками все одно до хана о нас весть обязательно скоро доберется. Вот и решил их благородие, пока есть время, провиантом и фуражом разжиться.

– И правильно, нечего его эриванцам оставлять, – буркнул вахмистр Шаньгин. – Ежели они на нас пойдут, то у местных все подчистую выгребут. А так хоть жировать не будут.

Через час три с половиной десятка драгунов, дюжина казаков и десяток гянджинцев вышли от дорожных укреплений в сторону Эривани. Вместе со строевыми в отряде шла и пара дюжин выучных лошадей.

– А я ведь не доверял поначалу Васифу, – кивнул на следующих перед основной колонной гянджинцев Кравцов. – Все-таки сам он из местных. Думал: а ну как в спину во время горячего дела нам ударит? А он, смотри-ка, когда мы разь-

езд ханский брали, сам в первых рядах был, и когда крепость штурмовали, тоже под огнем не дрогнул, хотя и двух своих людей при этом потерял. Да и его воины ничем не хуже тех же казаков будут.

– Так ведь из воинского сословия он сам, – проговорил едущий рядом унтер-офицер Плужин. – Я, когда в крепостном лазарете лежал, рядом с моей комната для господ была. Делать ведь особо нечего на излечении, вот и разговаривают все, беседы долгие ведут. Много чего, прошу прощения, слышал я там антиресного. Так говорили господа офицеры, что Васиф этот одним из первых к нам перейти на службу согласился, хотя и дрался перед этим с нами же достойно. Когда их светлость князь Цицианов его принимал, тот ему на вопрос ответил, что он, дескать, прежде всего своей земле служит, а коли у нее теперяча хозяин – русский император, то, стало быть, он ему верой и правдой будет служить. И что его предки тут еще задолго до прихода каджаров проживали.

– Вполне себе такое возможно, – кивнул подпоручик. – У нас вон среди казачьего сословия и калмыки, и башкирцы имеются, а среди кубанских или терских казаков сколько осетин? И что? Не хуже всех прочих они воюют. Говорят, по указу государя императора целые полки велено из инородцев сейчас создавать. Нет, ну до регулярной кавалерии, как наша, им-то, конечно, далеко, ну так ведь не в Европе же нам пока что воевать приходится. Так что для кавказских войн – это самое то будет.

До села Мец оставалось около десятка верст, и подпоручик дал команду вставать на ночевку.

На дороге выставили караулы, и Гончаров попал во вторую смену. С третьего отделения к ним с Савелием и Чановым Иваном выделили двух драгун, одним из которых был друг Ленька.

– Только чтобы не болтали лишнего, а слушали и глядели со всем усердием, а то знаю я вас, знакомцев! – проворчал разводящий караул унтер Сошников. – Чанов, ты тут за старшего. Помните, братцы, ваше дело – за дорогой приглядывать и никого к нам или, напротив, от нас по ней не пропускать. Нам еще не хватало, чтобы о нас ханских кто-нибудь предупредил. Нафуражируют тогда всех, прости господи! – и размашисто перекрестился.

– Ефим Силович-то построжел, сурьезный такой дядька, – проговорил негромко Ленька, провожая взглядом унтера. – Раньше-то в артельных старшинах он вроде как попроще был. Я к нему давеча: «Ефим Силович, обещали же к себе в отделение взять». А он как зыркнет на меня: «Почему не по уставу обращаетесь, драгун?!»

– Да не-ет, он хороший дядька, – не согласился с другом Тимофей. – Небось, просто под горячую руку к нему попал. Ты какой уже раз про это у него спрашиваешь?

– Какой-какой, небось, пятый точно, – пожал плечами Блохин.

– Ну вот, пятый, – усмехнулся Гончаров. – Будто от него

одного это только зависит. Сразу ведь он нам сказал: как только пополнение из Моздока придет, тогда перед взводным командиром замолвит за тебя слово. А тебе вон все нейдет.

– Сам же говорил: «Просись к нам»! – буркнул Ленька. – Ладно, у себя лучше в отделении останусь, сиди себе с Савелием в одной артели! – и, обиженно засопев, замолчал.

– Ленька, ну, Ленька, да не обижайся ты, – толкнул плечом друга Гончаров. – Ну я ему еще раз после выхода напомним. Ну, хватит уже дуться. Сухарик будешь? – И протянул черный кирпичик Блохину.

– Сам грызи, – прошептал тот, и, вдруг напрягшись, вытянул шею. – Ничего не слышал сейчас?

– Не-а, – Тимоха замер, вслушиваясь в ночь.

– Как будто бы цокот копыт по камням слышал, – прошептал Ленька. – Причем со спины, с нашей стороны звук шел. Да тихо ты! Хватит жевать, сбиваешь ведь меня! Ежели нас проверяют, так пешком бы пошли, зачем же им ночью, накоротке, да еще и на лошади ехать? Эдак ведь и сверзиться в ущелье запросто можно. А коли кто чужой далеко едет, тогда вот да, тогда ему никак в долгом пути без коня.

– Логично, – прошептал Тимофей и взвел курок мушкета.

– Чего сказал? – Ленька так же вслед за другом привел свое оружие к бою.

– Верно, я говорю, ты мыслишь, Леня, – ответил ему Гончаров. – Наши бы вряд ли сейчас верхом ночью ехали. И про

казачий разъезд никакого разговора не было. Все казаки с гянджинцами в лагере у костров оставались.

– Вот, слышишь, опять? – сжал его локоть Блохин. – Замерет на месте, а потом идет тихонько, по камням копыта чуть стучают.

Теперь и до Тимофея донесся негромкий звук. Кто-то явно приближался с восточной стороны, со стороны оставленного отрядом Басаргечара.

– Стой, кто идет?! – рывкнул Ленька, выскакивая на дорогу из-за камня. – Говори пароль!

«Бам!» – ярко сверкнула вспышка, и грохнул ружейный выстрел. Блохин резко присел, а Тимофей разрядил мушкет в то место, откуда только что стреляли. Там раздался стон, и потом все стихло.

– Ленька, живой?! – Гончаров выбежал на дорогу и затряс сидящего друга за плечо.

– Да живой я, живой, – ответил тот, приподнимаясь. – Отпусти! Пуля прямо над головой пролетела. На вершок бы ниже – и ага!

Впереди послышался негромкий перестук копыт, и потом фыркнула лошадь.

– Эй, а ну, кто там есть, выходи сюда, а не то пульну! – грозно выкрикнул Блохин, наставив в сторону звука мушкет. – У меня заряд в стволе! Быстро выходи!

Шаг, еще один – впереди на дороге темнел большой силуэт. Подойдя еще на несколько шагов, драгуны разглядели ле-

жащее на камнях человеческое тело. Возле него стоял, опустив морду, жеребец.

– Тимоха, Ленька! Что у вас там?! Кто стрелял?! – Раздался топот ног, и к друзьям подбежали трое караульных с другого поста.

Чанов достал трут и, выбив на него из огнива искры, раздул огонек.

– Ого, да это никак знакомый, – вглядываясь в черты лежащего, пробормотал Иван. – Ну точно, знакомый, сами гляньте, братцы, – и он перевернул на спину обмякшее тело.

В ночное небо остекленевшим взглядом смотрел молодой мужчина из местных. На груди его серого длинного кафтана выступило мокрое пятно, а со стороны села слышался шум. С факелами на звук выстрелов спешили к караулу люди.

– Взвод, к бою! В две шеренги становись! Первая, с коленами!..

– Ваше благородие, не стреляйте! Свои! – крикнул Чанов. – Мы тут лазутчика подстрелили. Здесь вот он, на дороге лежит!

Освещенное факелами тело внимательно разглядывали взводные командиры во главе с подпоручиком.

– Точно, это сын старосты, вроде как Али его звали, – проговорил Плужин. – Он еще около крепости нашей все любил крутиться. То воду в бурдюке егерям и драгунам поднесет, то лепешек от отца. Ну и мы его особо-то не гоняли.

– Ну вот, видно, и накрутился, – нахмурившись, прогово-

рил Кравцов. — Так что ты говоришь, Тимоха, он в вас первым после того, как вы ему команду подали, выстрелил?

— Так точно, ваше благородие, — подтвердил Гончаров. — Драгун Блохин его окликнул, как и положено, пароль потребовал, а он и выстрелил в ответ, чуть было в него не попал. Вот после того и я в него из мушкета. Как-никак, а это ведь нападение на караул, все по уставу, ваше благородие.

— В сумасшедших на лошади еды дня на три! — доложил Сошников. — Стало быть, далеко он собрался.

— Обыщите тело, — кивнул на труп подпоручик. — Все самым тщательным образом на нем ощупайте.

На постеленную освещенную факелами конскую попону вскоре легли старинное ружье, кинжал, горка серебряных монет, большая часть из которых были русскими, рожок с порохом и кожаный мешочек с пулями.

— А вот это уже интересно, — Кравцов подобрал сложенный вчетверо лист плотной бумаги. — Что тут у нас?

Унтера пододвинулись поближе, рассматривая какие-то каракули и рисунок.

— Что здесь написано? Ничего не разберу, — покачал головой Кравцов, — Васифа сюда позовите! А вот рисунок занятный. Не находишь, Демьян Ерофеевич? — спросил он у Плужина. — На что это похоже?

— Неграмотный я, Павел Семенович, — помотал тот головой. — Извиняйте, не обучен письму.

— Похоже на схему оборонительных позиций, ваше благо-

родие, – негромко проговорил стоящий все так же по стойке смирно Гончаров.

– Тебе кто, Тимоха, слово давал?! – нахмурившись, взрыкнул унтер. – Иди вон к отделению!

– О-отставить! – остановил развернувшегося драгуна подпоручик. – Кругом! Ближе сюда подойди! Так что ты тут видишь, повтори-ка, Гончаров? Смелее, смелее, ну же?!

– Так я ведь уже сказал, ваше благородие, отдаленно сии каракули похожи на схему оборонительных позиций у нашей крепости, – глухо проговорил Тимофей. – А это вот, рядом, судя по всему, расписано, сколько людей в нашем отряде и какое у него вооружение. Вот и цифры здесь арабские начирканы, они-то и так понятны, даже без самого буквенного текста.

– Та-ак, – протянул подпоручик. – А еще что тут видишь, говори! Ну вот, приглядиись внимательно. По самому рисунку? Ну-у?

– Рисунок-то, прошу прощения, господин подпоручик, совсем дрянной, – пожал плечами Тимоха. – Трудно на нем вообще что-то разглядеть. – Позвольте, я его получше освещу? – И он взял факел у стоящего рядом драгуна. – Вот это похоже на пушку, – ткнул он пальцем в прямоугольник с палкой. – И стоит она именно там, куда ее егеря затащили. А это выходит, что трофейный фальконет – он тут на рисунке поменьше, чем орудия егерей, и опять же, стоит в нужном месте.

— Вот, учитесь, — кивнул на Гончарова взводный. — Совсем молодой драгун, а в начертании военных планов и схем лучше всех вас вместе взятых соображает. Все правильно, у нас в руках план оборонительных сооружений возле Басаргечара, и нес его этот гонец, которого караул застрелил, похоже, в самую Эривань. И шел он от своего батюшки, от старосты селения. Хорошо же тот устроился: на нас серебра прилично заработал, а еще и хану решил угодить. Жаль, живым его сынка мы не взяли, много бы чего он нам интересного напел. Но хорошо, что и не упустили. Видно, не ожидал он нас на этой дороге встретить, думал, небось, что мы в селении заночуем. Ладно, по возвращении к эскадрону со старостой разберемся. Драгун Гончаров, драгун Блохин, благодарю вас за бдительную службу, братцы! Молодцы!

— Рады стараться, вашблагородие! — рывкнули в ответ парни.

На следующий день отряд прошел вдоль южного берега озера Севан, и ближе к полудню ему открылось лежащее в большой долине село Мец. Выдвинувшихся к нему казаков с гянджийцами встретил караул из трех косматых одетых в грязные ободранные полушубки дядек, которых и воинами-то было сложно назвать. Из оружия у них были лишь луки, одна сабля и два копья.

Проезжая мимо них, драгуны качали головами. Один из караульных, окровавленный, был без шапки и, сидя вместе с двумя своими товарищами на земле, раскачиваясь и закатив

глаза, шептал, как видно, слова молитвы.

– Копьем меня решил ткнуть, зараза, – пояснил казачий урядник. – Ну вот немного и приложились ему по башке. В селе, ваше благородие, регулярных войск хана нет. Это у них как бы такое ополчение, что ли, или же сельская охрана. Васиф со своими людьми за старостой поехал, сейчас его прямо сюда привезет.

Через несколько минут перед Кравцовым стоял испуганный седой толстячок, одетый гораздо лучше своих охранников.

– ...И передай старосте, Васиф, что если через два часа вот на этой площади не будет много овса для лошадей и провианта долгого хранения для людей, то мы тогда сами со всем пристрастием пройдемся по всем домам, – нахмурившись, строго проговорил подпоручик. – Пройдемся и все, что нам нужно, в них найдем, только вот тогда уже и серебром платить не будем. Пусть поторапливаются!

– Bəli, bəli, əfəndim, qəzəblənməyin! Biz sizin üçün hər şeyi çıxaracaq!² – тряс седой бородой староста. – Burada çoxluq təşkil edən yerli ermənilərdən çox şey götürmək olar.³

– Он просить давать серебро ему, – кивнул на толстяка Васиф. – Он сам отдавать его потом свой люди. Он сам знать, сколько и кому надо серебро дать.

² «Да-да, господин, не извольте гневаться! Мы вам все сами вынесем!» – азерб.

³ «У местных армян, коих здесь большинство, много можно всего забрать» – азерб.

– Нас это уже не касается, – пожал плечами командир отряда. – Мы рассчитаемся за все, как и положено, и лезть в их внутренние дела не будем. Переведи только ему, чтобы они поторопились. Два часа у них есть, не больше!

Тимофей оглядывал окрестности с небольшой возвышенности возле дорожной развилки. Одна дорога здесь шла на юг, из Тифлиса в сторону Эривани и потом далее к Нахичеванскому ханству, а другая – на восток, к Каспийскому морю. За спиной возвышались горы Варденисского хребта, а перед глазами была бескрайняя ширь высокогорного озера Севан или, как его называли армяне, – Геламского моря. Величественная картина – высоченные горы и огромная, необъятная водяная гладь! Только тут, на Кавказе, он мог такое увидеть.

Два десятка драгун с несколькими казаками расположились на самой развилке, а Гончаров с Блохиным оглядывали окрестности. В селе в это время шла суeta: по улочкам сновали люди, везли к базарной площади на осликах и на лошадях какие-то мешки.

– Гляди, Тимох, как только про серебро услышали, сразу все нашлось, – кивнул в сторону Меца Ленька. – А то ведь плакались поначалу, что хан все подчистую из домов выгреб. Теперь-то этого провианта нам надолго хватит, а там, глядишь, и войсковой караван с припасами подойдет.

– Это точно, – кивнул Гончаров. – Только нам скоро обратно уходить. Унтера говорят, через пару недель третий эс-

кадрон на замену должен прийти, а нас в Гянджу на квартирование и отдых пока отведут.

Вскоре послышался звук трубы, и заслон снялся со своего места. Три местных караульных так и сидели на том месте, где их усадили на землю. Проезжающий мимо урядник что-то сказал своим, пара казаков спрыгнули с лошадей и развязали стягивающие руки веревки.

– И больше чтобы не тыкали в русских железкой! – погрозил им нагайкой урядник. – В следующий раз секир башка будет! Понятно?! Отдайте им все!

Казаки проехали дальше, а перед продолжающими сидеть на земле караульными валялись плохенькая сабля, два копья и поломанные луки.

Глава 4. Бой в горах

– Здравия желаю, ваше благородие! – Тимофей, ведя Чайку, ловко перекинул повод в левую руку и вскинул ладонь к каске.

Офицер в егерской форме пристально его оглядел и заулыбался:

– А я уже пару раз тебя мельком видел, думал, неужто же это тот самый книгочей? Гончаров ведь? Правильно?

– Так точно, ваше благородие, он самый, – расплылся в улыбке Тимка. – А я хотел было подойти, да как-то неудобно.

– Отчего же, голубчик? – хмыкнул капитан. – Мы ведь с тобой так хорошо беседы о литературе вели, да и земляки ведь. Зря стеснялся. А ты возмужал, подрос за этот год. Даже глаза как-то по-другому смотрят. Нет в них уже того, отроческого, легкого взора. Да-а, война, Гончаров, она быстро меняет людей. Как с книгами у тебя, читаешь ли?

– Да когда же читать, ваше благородие? – ответил с легкой улыбкой драгун. – Все время служба, походы – как-то не до этого было. Попервой, пока в эскадроне не обжился, и минуты свободной даже не было. Да и откуда здесь книгам, ваше благородие, в этой глуши взяться?

– Здесь-то да, на этом выходе и у меня с этим туго, – согласился Одинокое. – Но не вечно же нам у этого горного аула торчать. – Давай так поступим: как только мы обратно

в Гянджу вернемся, так ты сразу же меня там найди. У меня целых два чемодана книг в полковом обозе имеется. Ну и чего они там без дела пылятся? Ну что, найдешь? Обещай, Тимофей!

– Так точно, ваше благородие! Есть найти вас! – радостно выкрикнул драгун.

– Вот и молодец, – улыбнулся Петр Александрович. – Ну, давай, братец, удачи тебе, пойду я на командирский совет. Есть сведения, что татары со стороны Эривани зашевелились. Похоже, горячие деньки для нас скоро грядут.

– Спасибо, ваше благородие! И вам удачи! – Тимофей, провожая взглядом командира егерей, вскинул руку к каске в воинском приветствии.

Первый дозор эриванцев подскочил к русским укреплениям у Басаргечара уже в последних числах марта. Два десятка ханских воинов лихо выкатились из-за дорожного поворота. Первые двое выстрелили на ходу в стоящий возле укрепления пикет русских, и вся конная орава, завизжав, ринулась вперед.

– Тревога! Тревога! – бил ротный барабан егерей. Затрубил сигнал сбора эскадронный трубач – и сонное селение в речной долине вмиг ожило. Из домов выбегали драгуны и стрелки Семнадцатого полка. Седлала своих коней русская кавалерия, а егеря, быстро построившись в колонну, уже бежали на помощь своим товарищам. Возле придорожной кре-

пости в это время слышалась частая стрекотня выстрелов.

Тимофей накинул седло на спину Чайки, выправил подхвостник, затем пододвинул седло ближе к холке, поднял потник рукою так, чтобы он вошел в арчак и не тер на ходу спину лошади. Подстегнул в спешке подпругу, подперсье и трок, сунул мундштук в зубы, а повод от недоуздка – за круговой ремень. Ногу в стремя – и вот он уже верхом в седле!

– Ружья из бушмата долой! – донесся крик командира эскадрона. – Четвертый взвод, вперед! Марш, марш! Остальным занять место в походной колонне!

Фланкеры догнали егерей через полверсты на дорожном подъеме, и, опередив, прибавили ходу. Впереди бумкнула пушка, грохнуло еще несколько ружейных выстрелов, и затем все стихло.

– Стой! Стой! Отбились! – крикнул подскакивающим драгунам молодой егерский прапорщик. – Не догоните уже их теперь, братцы, вон, получили они от нас горячих, уже и след вовсе простыл! – махнул он рукой в западную сторону. – Постреляли, с десятков своих трупов на дороге оставили и потом в панике назад припустились.

Подъехавший через два дня новый ханский разъезд действовал уже с большей осмотрительностью. Эриванцы спешили с коней загодя и потом крались к укреплениям в вечерних сумерках. Кто-то из них неосторожно зацепил камень и тем всполошил русский караул. Опять били выстрелы укороченных егерских фузей и винтовальных штуцеров.

Фальконет с пушкой прошлись по крепостным подступам картечью, и незваные гости отступили.

– Ну все, теперь, пока они хорошо по зубам не получают, уже и не отстанут от нас, – уверенно заявил на командирском совете Огнев. – Им или сбить нас отсюда нужно, или показать своему хану, что русские сильны и ничего уже тут с ними силой не поделать, а лучше бы договариваться. Так что простого отбития штурма здесь теперь явно будет мало. Неприятеля надобно непременно разгромить, а для этого против него нужна хорошая и решительная атака. Хуже всего, если эриванцы здесь в долгую осаду встанут и будут потом месяцами с нами перестреливаться, и на караулы наши наскакивать. Какие у кого будут мысли, господа?

– Тут нужна особая воинская хитрость, – заявил командир егерей. – Без нее с нашими малыми силами, если сюда большие из Эривани подойдут, весьма будет трудно противника одолеть. А он ведь, господа, уже ученый, вряд ли так опрометчиво, как раньше, сломя голову, на нас будет лезть.

И так, и эдак прикидывали офицеры сводного отряда – ничего хорошего в голову никому не приходило. Судя по всему, предстояло долгое оборонительное сражение.

– Сергей Иванович, староста селения до сих пор ведь у нас под арестом? – задумчиво спросил командира объединенного отряда Кравцов.

– Конечно, – ответил капитан. – Так и сидит в своем каменном амбаре под караулом. Расстрелять его рука у меня

не поднимается. Хотя он, конечно, и против нас действовал, но ведь формально подданным эриванского хана оставался. Пускай уж по его дальнейшей судьбе большое начальство свое решение принимает, я со своей стороны ему уже обо всем в письме доложил.

– А что, если нам попробовать с ним втемную сыграть? – задумчиво проговорил подпоручик.

– Как это? – непонимающе посмотрел на него Огнев.

– Эй, Салим, выходи, давай! – русский караульный, звякнув наружным запором, настежь распахнул дверь сарая.

Яркий свет осветил внутренности помещения, где на подстилке из сена лежал немолодой бородатый мужчина.

– Выходи, выходи, не бои-ись, прогулка! Гулять, гулять! – крикнул егерь, призывно махая рукой. – И ведро с собой захвати, сам его там, на улице, опорожнишь.

Бородатый тяжело поднялся со своего места и, кивнув головой, направился к выходу.

– Только чтобы без шуточек, Салим, а то гляди у меня, – похлопал по приставленной к ноге фузее конвоир.

Солдат вывел арестанта на улицу, где в это время ехал большой отряд русской кавалерии.

– Куды это они там собрались, братцы? – спросил он у двоих стоящих на обочине военных, одетых в зеленые мундиры.

– Да велено, Никита, драгунам обратно в Гянджу возвра-

щаться, – пожав плечами, ответил один из служивых. – А чего, татар тут уже два раза отбили, не сунутся, небось, теперь к нам. Хорошо их на дороге недавно постреляли. Нашей сотни егерей здесь теперяча за глаза хватит, чтобы всю дорогу перекрыть. Вот начальство и приказало конным обратно отсель уходить.

Прошла на строевых лошадях кавалерия, в хвосте провели пару десятков навьюченных лошадей, и в самом конце проскакало еще два десятка всадников из замыкающих.

– Иди, иди, чего вытаращился?! – прикрикнул на арестанта конвоир. – К реке вон ступай, умойся, а то, как от пса бродячего, смердит! Две недели ведь взаперти уже сидишь.

Время прогулки пролетело быстро, и вот за спиной у Салима опять захлопнулась дверь. Он тяжело вздохнул и, улегшись на подстилку, укрылся рваной рогожей. «Ладно, грех жаловаться – русские не убили, и то хорошо. Да и не били, если не считать нескольких тычков при самом первом допросе».

– Эх, Али, Али, как же так?! Как ты не уберегся и попался этим русским! – проскрежетал он зубами. – Верно старики говорили: никогда и никому одновременно еще не удавалось усидеть на двух стульях! Всегда приходится один выбирать.

А ведь как все было хорошо: у русских он был на хорошем счету, своим добром удачно с ними торговал, от сельчан как посредник свою немалую долю за товар получал. Теперь-то уж точно ему здесь доверия не будет, в Басаргечар назначен

новый староста, который всемерно угождает пришельцам. Да и сам он гибель любимого сына ни за что им не простит! Только бы ему выбраться отсюда, и тогда уж он непременно найдет, как им можно будет отомстить.

– Не велено никого к арестованному допускать! – послышалось за дверью. – Без командирского одобрения не пущу! Ну и пусть от его семьи передача! Ежели их благородие или хотя бы наш фельдфебель позволит ее занести, вот тады и ладно!

Через полчаса гроыхнул засов, и конвоир распахнул дверь:

– Салим, вставай, передачу от семьи дозволили к тебе занести! – крикнул он, вглядываясь в темное помещение сарая. – Заходи, – кивнул он стоящему рядом гянджинцу с узелком в руках. – И чего так рано сегодня, еще ведь даже не вечер? Ходят и ходят, никакого покоя с вас нет! – И конвоир с ворчанием отступил в сторону.

– Салим-ага, это вам передача от близких, – союзник русских поставил кувшин на землю, а рядом с ним положил матерчатый узелок.

Староста презрительно взглянул на него и отвернулся.

– Мне не нужна еда из рук шакалов, прислуживающих русским, – произнес он негромко. – Лучше бы они ее сами, так же, как и раньше, сюда приносили, а не посылали таких, как ты.

– Ага, у меня сейчас нет времени долго говорить, – про-

шептал гянджинец. – Вот-вот могут назад позвать. Далеко не все в нашем отряде рады служить людям белого царя. У меня при штурме нашего города погибли все близкие, и я хотел бы за них отомстить. Ровно в полночь я убью здесь караульного и потом открою эту дверь. Выбирайся из селения со всей осторожностью пешком. За дальним поворотом дороги, где больше уже не будет русских караулов, тебя будет ждать оседланная лошадь. Передай старшим военачальникам хана, что от русского отряда ушла назад большая половина воинов. И наши гянджинские десятки ударят по оставшимся, если на них вдруг случится нападение. Самое главное, чтобы хан не забыл про эту помощь и потом нас вознаградил, а еще и принял бы к себе на службу. Передашь все, как я сказал?

– Передам, – немного помолчав, тихо проговорил староста. – Я верю, что хан вас не забудет. Скажи, а как тебя самого зовут?

– Кемаль, – прошептал гянджинец, оглядываясь.

– Эй, чего так долго?! – крикнул, зайдя в проем двери, русский караульный. – А ну-ка быстро отсель выходи! Не велено у арестованного долго быть! Давай, давай! – грозно пристукнул он прикладом фузеи. – Не хватало из-за вас еще разыскания получить!

Время до полуночи тянулось для Салима мучительно долго. «А если ничего не получится? А можно ли вообще доверять этому гянджинцу?!» – бродили в голове тревожные мысли. Может, уж лучше ему не рисковать, ведь если рус-

ские его не казнили, то могут и совсем помиловать? А вдруг он вообще наткнется в темноте на их караул? Тогда они точно его убьют! «Ладно, будь что будет, нельзя отказываться от того, что само идет в твои руки», – успокаивал он сам себя. – Ведь если он явится в Эривань с такими важными сведениями, какие передал ему сегодня гянджинец, и с тем, что он сам видел во время прогулки, то хан обязательно будет к нему милостив и, выгнав из села русских, непременно вернет ему должность старосты. И все снова будет хорошо: у него будет прежняя власть, и он сможет жить безбедно.

В дверь негромко постучали, на ней звякнул еле слышно наружный засов, и она, чуть скрипнув, приоткрылась.

– Салим-ага, выходите, – донесся шепот до узника. – Быстрее, быстрее, пока здесь вокруг тихо.

Староста нырнул в дверной проем и разглядел приходившего к нему днем с передачкой Кемаля.

– Ага, вдоль реки не ходи, там стоят скрытно трое русских, – прошептал гянджинец, убирая в ножны свой кинжал. – На дороге их тоже много, лучше пройти по этому переулку и потом через сады к ручью, а уже затем, как его перейдешь, выходи из аула. Там, за ручьем, дальше никого нет, перед тем, как зарезать караульного, я все вокруг проверил. Только к дороге тебе сразу не стоит выходить, нужно отойти от аула за дальний поворот, туда, где, как и обещал, я оставил лошадь.

– Я все понял, – прошептал Салим. – Я благодарен тебе,

Кемаль, теперь и ты жди благодарности от хана, – и, нырнув в тень за сараем, пропал из виду.

Примерно через пару часов казачий подхорунжий докладывал сидящим в одном из домов аула офицерам:

– Беглец поступил именно так, как ему и советовали, – выбрался из аула через сады и, перейдя ручей, сделал большой крюк, огибая придорожную крепость. Миновав все наши посты, он нашел оставленную ему за дальним поворотом лошадь и потом уехал на запад.

– Думаете, он нам поверил? – оглядев сидящих, спросил капитан Одинокоев. – Твой Кемаль точно надежный? Он хорошо говорил со старостой? – посмотрел он пристально на Васи́фа.

– Я ручаться за него, – кивнул командир гянджинцев. – Мы вместе присягать русский царь.

– Ладно, Петр Александрович, кроме коня, мы все равно тут ничего не теряем, а вдруг и правда выгорит это дело, как и задумали? – пожав плечами, проговорил командир казаков. – Ну что, я посылаю гонца к драгунам с известием?

– Посылай, Еремей Никитич, – согласно кивнул егерский офицер. – Думаю, дней пять, никак не меньше, им придется в этом распадке ждать. – Пока это еще староста до эриванцев доберется, да пока они там с большими силами соберутся. Пусть уж кавалеристы пока тихо сидят, не высовываются. Все, как и обговаривали, как только время придет, мы их через гонцов к себе на подмогу призовем.

– Сегодня уже без малого неделя, как мы в этот распадок забились! – ворчал Савелий, насыпая в торбу овес. – И чего вот только тут сиднем сидим? Траву всю давно в округе лошади повыщипали, да и какая она тут в этих камнях трава? Так только – название одно!

– Мудрит чегой-то начальство, – согласился с ним Федот. – Я вчерась к дороге свою Зорьку погнал, ну надо же было пробежаться немного лошадке, ведь совсем застоялась она за эти дни. Так на меня поручик из второго взвода как на какого-то штрафного рекрута орал. Чуть было по мордасам от него не схлопотал. А потом еще и от нашего, когда он ему пожаловался. Сиди тут тихо, как мышь, огня днем не разводи, на дорогу не выходи, шуметь совсем не моги! – и сплюнул с досадой на каменистую землю.

– А мне вот здесь нравится, – зевнул Осип. – А чего, я тут так отоспался, как давным-давно, когда был в полковом лазарете. Провианта вполне себе хватает, вода совсем рядом, для лошадей овса в достатке. Оно бы, конечно, сенца им еще маненько добавить, да и так ладно. Не гневите Бога, ребятки, нечего вам на судьбу и начальство роптать! Коли сказали нам тут тайно сидеть, значит, так оно и надо. Вот завтра будет наша очередь ночью в аул с выючными ехать, тогда там и разомнемся.

Чайка допила воду из приставленного ей большого кожаного ведра, и Тимофей поднес торбу к мешку с овсом.

– Савелий, ты уже в свою все насыпал, придержишь немного? – попросил он товарища. – Много давать я не буду, эдак они у нас совсем тут без выгона разжиреют. Нужно будет завтра соломы поболее из Басаргечара привезти, порублю ее мелко, овес немного распарю, эдак все лучше, чем сухим давать, – кивнул он на холщовый наполовину заполненный кормом мешок.

Для почти полутора сотен кавалерии этот горный распадок был слишком тесным. Но у него было одно очень серьезное преимущество: он находился совсем рядом с дорогой, и от него до Басаргечара было всего лишь около пяти верст хода.

Стемнело, и в скальных нишах, не видимых с дороги, разожгли костры, на которых артели варили пищу. В аул в это время уходило два десятка очередников драгун, на которых все смотрели с плохо скрытой завистью. Долгое сидение уже изрядно всем надоело.

– Эх, ну вот почему, как только в атаку, как под пули, так в самых головных это четвертому взводу идти, а как вдруг за чем-то добрым, так строго по порядку? А по расчету-то оно, конечно, по нему-то мы самые последние идем! – сетовал Савелий.

– Ты за котлом, Малаев, лучше гляди, – одернул его Силевич. – А то ежели по сторонам будешь глазеть, так у тебя и до утра зерно не распарится. Дровишек почаще в костер подкидывай, намялись за день сухарей, всем теперяча горя-

чего поестъ охота. Вон Тимохе совсем уже не вмоготу, молодой, растет ведь еще парень.

– Да я-то ничего, Ефим Силович, – отмахнулся Гончаров. – Терпимо. Порох вот тут быстро сыреет, по два раза его с затравки приходится вынимать, – и, закрыв полку ударного замка на мушкете, обернул его сверху промасленной тряпицей. – Казенное наголище сырость совсем даже не держит, что оно есть, что его нету – все без толку, – и закрепил поверх накрученной тряпицы кожаный чехол.

– Да, конечно, не углядишь тут за порохом, сырость-то здесь вона какая! – передернул плечами Федот. – С ущелья все время сквозняком тянет, а оно-то, гляньте, как раз к самой реке выходит. Вот с той сырости и нам самим худо, и всему нашему пороховому припасу. Ежели еще с недельку тут постоим, так и оружие ржой пойдет, а мы все чирьями покроемся, у меня вон один уже вышел. Болит, зараза, аж спасу нет! На животе спать приходится.

– Ничего подозрительного не видно, Сергей Иванович, – развел руками казачий подъесаул. – Мои ребятки аккуратно отъезжали за десяток верст к западу, оглядывали все там – так тихо вокруг, нигде даже следов нет эриванцев. Неделя уже прошла с того времени, как староста к ним утек, может, зря мы все это затеяли?

– Не может быть, чтобы зазря, – покачал головой командир эскадрона. – Обязательно должны они на такую нажив-

ку клонуть. Вы со своими оглядами тоже, Никитич, будьте осторожнее. Смотрите, не спугните нам ханских прежде времени. У нас на этой дороге все должно выглядеть обыденно.

— Да куда уж еще более осторожно, — вздохнул казак. — И так ведь какой день хоронимся, как только можем.

Далеко за середину ночи вернулся отряд с провиантом и фуражом из Басаргечара. Артели уже поужинали и помогли товарищам разгрузиться. Очередники варили еду на день, чтобы не дымить засветло, свободные же задали корм лошадям, а кто-то уже начал укладываться. Суета в лагере постепенно улеглась. До рассвета оставалось часа два, не больше. Где-то далеко, в стороне аула, вдруг еле слышно бумкнуло, затем еще и еще раз.

— Никак пушка, братцы, стрельнула? — поднял голову с постеленного на попону седла Сошников. — А вот и еще раз, — прошептал он, вслушиваясь в ночь. — А это похоже на фальконет, ружья-то здесь никак не услышишь.

— Тревога, тревога! — разнеслись крики от командирского шатра, — Эскадрон, подъем! Седлать коней!

— Костры подпаливай! Отходи к крепости, братцы! — Молодой прапорщик выстрелил из пистоля в выскочившего из-за фашины ханского воина и попятился с дюжиной егерей назад. На передовые придорожные укрепления накатывала огромная толпа неприятеля.

— Не бежим! Пятимся! Штыками коли! — рявкнул крепкий

унтер, орудуя фузеей.

На освещенную кострами баррикаду, сооруженную из мешков с песком и наполненных камнями корзин, забрался высокий татарин в лохматой каракулевой шапке и, размахивая саблей, призывно закричал.

Унтер резко вскинул свою фузею и выжал спусковой крючок. Татарина выбило пулей назад, а через мешки и корзины уже перевалила волна атакующих. Подхватив своего убитого и раненого егеря, русские наконец-то достигли той тропинки, что вела наверх, к крепости, и заскочили в прикрывающий ее снизу редут.

– Худо дело, вашбродь! – крикнул унтер, заталкивая пулю в ствол фузеи. – Не удержимся мы тут долго, дуром ханские прут, задавят они нас всем скопом, к крепости отходить надо, – махнул он рукой, указывая наверх.

Там, в выстроенных на скалах бастионах, мелькали огоньки выстрелов, гарнизон крепости бил вниз частой россыпью из ружей. Сверкнул яркий огненный всполох, и по ушам ударил грохот пушечного выстрела. Мелкая картечь густо сыпанула по придорожным камням. Истошные вопли раненых вплелись в грохот боя.

Прапорщик оглядел своих егерей и, махнув рукой, командовал:

– Вверх, ребята! Быстрее, пока они тут перед нами замялись! Егорович, прикрывай с Ильюхой меня! Факел сюда! Быстро! – Он сдернул дерюгу с одной из корзин и вытащил

наружу кончик просмоленной веревки. – Поджигай!

Уже пятерых тащили на себе вверх егеря. Трое самых крепких солдат отбивались от целой толпы напирających ханских воинов. Счастье, что тропа, ведущая наверх, была узкая и не давала им наброситься на отходящих русских со всех сторон. Перед глазами у эриванцев все время были окровавленные острия штыков, и даже самые отчаянные из них уже не решались лезть напролом.

Вот он, поворот, и прямая к крепости. Там, перед самым ее входом, на тесной площадке был еще один оборонительный рубеж, за которым стояли их товарищи. Только бы оторваться от преследующих, не дать им накатиться на крепость на своих плечах!

До заложенного в корзине с камнями порохового заряда добрался огонек, и внизу оглушительно гроыхнуло. Взрыв разметал укрепления придорожного редута, а град камней убил или покалечил пару десятков атакующих.

– Ура! В атаку! В штыки! – загремело от крепостного редута, и солдаты в зеленых мундирах в решительном броске смели карабкающихся по тропе эриванцев вниз.

– Быстрее, братцы! – крикнул подбежавший к отходящим поручик. – Все бегом в крепость! Быстрее, пока они здесь не очухались! Вон ведь как прут ханские, ажно дурб́м на штыки лезут! Еще немного продержаться нам здесь надо. Совсем скоро сюда наши драгуны с казаками накатят!

– Кажется, полностью втянулись, ваше благородие? – спросил у стоящего перед выстроенными шеренгами егерей офицера фельдфебель. – Еще немного, и они на нас сюда накатят. Может, пора уже за драгунами гонца слать?

– Рано, – покачал головой капитан. – Пускай поглубже они, Архипович, зайдут! Да и не рассвело ведь еще, нашей кавалерии неудобно их будет тут в темноте рубить. Ничего, сейчас встретим! – и, расслышав топот сотен ног, обернулся к замершим с ружьями наизготовку стрелкам. – Первая шеренга с колена! Вторая и третья стоя! То-овсь! Це-елься!

С западной стороны, откуда слышался грохот боя, на прямой участок дороги выкатилась темная людская масса. Шагов сто было сейчас от нее и до замершего строя русских.

– Первая шеренга, огонь! – Одинокое взмахнул саблей, и полтора десятка стволов грохнули единым залпом. – Вторая шеренга, огонь! Третья шеренга – огонь!

Валились на камни дороги убитые и раненые, а те, кому посчастливилось уцелеть, с криками подались назад.

– Быстрее заряжаемся, братцы! – крикнул капитан. – Сейчас они покучкуются, покричат и опять на нас полезут. Первая шеренга, то-овсь! Це-елься!

Действительно, старшие среди эриванцев угрозами и тычками навели порядок в своем воинстве, и толпа, что-то громко скандируя на своем языке, опять бросилась вперед.

– Первая шеренга, огонь! Вторая, огонь! Третья, огонь! Последний залп свалил наступавших уже в паре десятков

шагов от строя егерей. Капитан вытянул руку с пистолетом и застрелил выбежавшего вперед бородача.

– В штыки! Коли их, ребята!

Ощетинившийся острыми клинками строй качнулся и пошел вперед на тех, кто только что бежал по еще теплым, мягким телам. Один, второй воин хана упал пронзенный русской сталью. Толпа развернулась и понеслась по дороге назад.

– Стой! – скомандовал Одинок. – Всем проверить оружие! Перезарядиться! Сейчас эти оправятся и опять на нас ползут.

На востоке начало светлеть, и он взмахом руки подозвал к себе старшего унтера.

– Архипович, отправляй двух гонцов к драгунам, думаю, что теперь вот можно, все ханские силы уже в это сражение успели втянуться. Крепость татары обложили, а сейчас и на нас всем скопом по дороге ползут. И долго против них со своими пятью десятками нам здесь никак не удержаться. Они или свою конницу бросят на нас, или же фальконеты сюда подкатят.

Ханская пехота расчистила завалы перед крепостью, и три сотни всадников проскакали по дороге. Пару десятков из них выбили пушечная картечь и ружейные пули гарнизона, а остальные прорвались за поворот и стали недостижимыми.

– Эскадрон, по коням! Сади-ись! – разнеслось по распадку. – В походную колонну! Справа по двое! Направляющими

фланкеры четвертого взвода. Рысью ма-арш!

Атака, атака! В первый раз Тимофей шел в бой верхом.

«Драгуны – это в первую очередь ездящая пехота», – не раз уже он слышал это здесь, на Кавказе. Да и воевал совсем недавно под Гянджой как самый обычный пехотинец. А вот теперь, мчась по горной дороге на Чайке, он чувствовал, как его лицо обвеивает свежий ветерок. Там, впереди, у крепости шел бой, слышались буханье пушки и глухие раскатистые ружейные залпы. А он шел в атаку как самый настоящий кавалерист.

Рота егерей Семнадцатого полка сдерживала натиск прорывающихся к аулу войск эриванского хана, а они, драгуны, спешили ей на выручку, чтобы одним разом разбить неприятеля в решительной контратаке. По неширокой каменистой дороге, огибающей скалистый холм, его взвод шел в авангарде. Впереди в неровном ряду скакал господин подпоручик вместе с тремя драгунами, а прямо перед Тимкой мелькала широкая спина Чанова Ивана.

Егерям капитана Одинокова пришлось худо, хитрый военачальник эриванцев бросил на них всех своих пеших воинов, а потом на разрядивших ружья зеленых, русских стрелков, вылетела из-за поворота дороги его конница.

– Плотней строй! Плечо к плечу стоим! – прокричал командир егерей, сам орудуя подобранной на камнях фузеей. – Две шеренги колют штыками, третья из-за спины врага пулей бьет!

Несколько пеших эриванцев не успели отойти в сторону, и их втоптала в дорогу своя же кавалерия. Лошади с диким ржанием вставляли на дыбы перед щетиной штыков. Всадники, перегнувшись из седел, рубили яростно саблями, пытаюсь достать ими врага. Строй русских солдат медленно пятился назад, стараясь не оставлять на земле раненых и убитых. Передние ряды уже из последних сил отбивались штыками, насаженными на дула их ружей, а из-за их спин нет-нет да раздавались разящие всадников в упор выстрелы.

– Не бежим, братцы! Иначе нас всех здесь посекут! – кричали в шеренгах унтера. – Стоим крепко! Ну, где же эта подмога?! Сейчас ведь точно проломают!

Конница эриванцев напирала. Маневра на этой узкой горной дороге у нее не было. Только вперед! И передних воинов выдавливали на штыки задние ряды. Еще немного, еще чуть-чуть, и они сомнут этот строй русских!

Выскочив из-за поворота, подпоручик Кравцов сразу оценил обстановку:

– Горнист, сигнал к атаке! В карьер! Не до фланкерства – сейчас егерей порубят!

В горной долине разнесся звук кавалерийского сигнала: «Атака! В Карьер! Марш! Марш!»

В сереющем предрассветном сумраке по дороге неслась плотная масса русской конницы.

– Наши! Наши! Драгуны скачут! – закричал, обернувшись один, второй егерь. – В сторону, братцы, иначе всех стопчут!

– К атаке! – рявкнул, заслышав сигнал своего авангарда, капитан Огнев. – Фланкеры в карьер пустились! Видать, со всем там дело худо! Эскадрон, сабли наголо! Вперед! В атаку! Марш! Марш!

Три десятка драгун и еще два казаков неслись самым скорым галопом по прямой. Сотня шагов была им до егерей, как раз самое расстояние для разгона.

– Ура-а! – кричал, как и все его товарищи, Гончаров!

– Ура-а! – орали пять сотен глоток.

Клинок остро наточенной сабли зажат в правой руке, левая сжимает конский повод. Ноги прищипривают лошадь с боков.

Строй егерей рассыпался, они бросились к обочине на камни, и русская конница с разгона ударила по эриванской. Хуже нет вот так, замершей на месте после вязкого боя с пехотой, встречать разогнавшуюся вражескую кавалерию. Русские стремительным клином, вырубая встречных, словно нож по маслу, прорывались вперед. Все мелькало перед глазами у Тимофея.

– Хэк! Хэк! – как его и учили, с резким выдохом, приподнимаясь на стремянах и опускаясь с ударом, он рубил сверху вниз и направо. Сзади напирали, и Чайка шла рваными скачками вперед.

– Ура-а! – с воинственным кличем к месту боя подскакали все остальные взводы эскадрона, и напор русской кавалерии усилился.

– Руби их, руби! – ревел впереди Чанов, неистово орудуя саблей.

– Руби! А-а-а-а! – орал Гончаров. Каким-то чудом он отбил встречный удар клинка и сам же своим рассек противнику голову.

Потрепанные ханские сотни развернули коней и начали уходить из-под удара.

– В атаку! В атаку! – трубил эскадронный горнист.

Эриванская конница стоптала расстроенные десятки своей же пехоты и стремительно понеслась в западном направлении. Следом за ней летели казаки и драгуны.

– Хык! Хык! – Тимофей, проскакивая вслед за Чановым, рубанул одного, за ним второго бегущего прочь пешего воина. – На! – и он рассек шею третьему. Словно кровавая пелена опустилась на глаза, рука с заточенным, как бритва, клинком поднималась и резко опускалась. Вот уже показалась и крепость. С нее били вниз ружья русского гарнизона. В последний раз грохнули пушка и фальконет, посылая вслед бегущим заряды картечи.

– Прекратить огонь! – слышались команды егерских офицеров. – Своих не зацепите!

Ханская конница, бросив свою пехоту, неслась прочь, и всю ярость удара русской кавалерии приняли на себя простые воины. Их телами покрылись вся дорога и камни на обочине. Через пять верст казаки ворвались в небольшой лежащий в долине аул и разгромили там ханский обоз. В ру-

ки русским попало два фальконета, пара десятков повозок, много выючных лошадей и горы припасов.

Трубачи сигналили «отбой». Вымотанные долгим преследованием лошади встали, и Тимофей соскочил с Чайки на дорогу. Кисть руки онемела, сжимая рукоять сабли. Отворот перчаток-краг по самые локти был сплошь залит кровью. На мундире, на сапогах и на лосинах виднелись красные брызги. Вытерев клинок ветошью, он вставил его в ножны и с трудом разжал кисть. Накатывала какая-то волна апатии. Тимка обнял Чайку за шею и так вот стоя замер на одном месте. Что-то делать, куда-то спешить и даже просто разговаривать не хотелось. Где-то неподалеку, покрикивая, сустились унтера и господа офицеры. Слышались команды и доклады, а он просто стоял молча на одном месте.

– Тимоха, не ранен? – толкнул его сзади Силевич. – Ну-ну, стой, стой, – оглядев его с головы до ног, пробормотал командир отделения. – Умаялся, поди, в первый раз ведь в такой рубке был? Понимаю! – и, обернувшись, пошел по занятой драгунами дороге. – Ильюха! Ильюха! – донесся его крик. – Жбанов! Кто Ильюху Жбанова видал, братцы?!

Глава 5. Из похода в поход

Третий эскадрон на смену второму не пришел. В конце апреля к Басаргечару притопали две роты из Севастопольского мушкетерского полка с небольшим обозом и пушкой. Командующий отрядом пехоты майор передал послание от начальства капитану Огневу, и они уединились в том доме, который занимал Сергей Иванович. Через полчаса вестовой побежал по расквартированным в ауле взводным офицерам, и вскоре все драгуны уже знали – велено собираться в дорогу. Пока эскадрону предписывалось идти в Гянджу, где стоит полк, а там дальше будет видно.

– Это что же получается, не пойдем мы отсюда на Эривань? – сетовал Федот. – Ничего я в этих военных маневрах не понимаю. Ханских мы тут разбили наголову, дорога к их столицам для нас открыта – идти бы да идти к самой крепости напрямик, а нас тут обратно отзывают. И чего же это получается, братцы, выходит, что зазря мы тут рубились? Ильюху вон чуть было не потеряли.

– Ничего не зазря, Федотка, – покачал головой Сошников и, прищутив глаз, вдел в хомутную иглу толстую просмоленную нить-дратву. – Мы тут от эриванцев сильный набег переняли, можно сказать, даже и не набег, а цельное нашествие. Коли не устояли бы на этой дороге, так они бы всю округу возле Гянджи разорили. И чего бы тогда местные сказали?

Что слабый русский царь? Что защитить он своих новых подданных не может? Так зачем же такому царю им служить? Лучше уж под сильным быть, как эриванский хан. — Так али нет, Федотка?

— Ну-у, не знаю, — почесал тот затылок. — Может, оно, конечно, и так, только вот добивать нужно было этих набежных татар. Занимать их земли, пока они от разгрома не оправились. А мы только лишь один обоз у них отобрали и назад вернулись.

— Начальству уж, небось, виднее сверху, откуда и как на эту Эривань идти, — Силиович примерился и надавил наперстком на иглу. — Ты о том бы не думал, Федот, как войском командовать, а вон лучше бы, как я, еще лишний раз всю упряжь оглядел. Когда и где нам прикажут, вот тогда и там, стало быть, мы и пойдем в поход. А пока в Гяндже будем стоять, передохнем хоть немного от гор. А чего? Все лучше в самом городе, в удобстве, сидеть, чем в этой теснине. Смотри, как на этой сакве шов треснул, — показал он длинный фуражный мешок приятелю. — Не углядел бы, так растрясло бы в дороге, и весь овес бы в прореху высыпался.

Два дня готовились к выходу эскадрон драгун и рота егерей. Наконец все было починено и подогнано для долгой горной дороги, и тридцатого апреля колонна вышла на восток в сторону Елисаветполя. Пятого мая вечером она подошла к крепости.

— Ну что, Тимоха, веселись, разрешил господин капитан

Леньку к нам в отделение перевести, – сообщил радостную весть Гончарову Ефим Силович. – Вместе со взводным мы к нему с прошением подходили. И господин подпоручик сдержал-таки свое слово, замолвил его перед Сергеем Ивановичем, как и обещал. Цени! Протекция, это вам не шуточки! Вот именно так подпоручик Кравцов мне и сказал. Да-а, еще двоих нам не хватает до полного комплекта, – почесал он задумчиво затылок. – Обещали пополнение из Моздока сюда подогнать, так ведь уже середина мая наступила, давно бы уже пора подойти, а его все нет. Куды ты рванул, а кто же кашу будет смотреть?! – крикнул он вслед выбегавшему из внутреннего дворика молодому драгуну.

– Ефим Силович, я мигом! – донеслось уже с улицы. – Через три дома ведь только бежать!

– Эх, молоде-ежь! – покачал головой Сошников. – Ну и чего бы случилось эдакого, ежели бы через пару часов Леньке сказал? Так нет ведь, бежать ему быстрее надо! – Он взял в руки палку и приоткрыл ею крышку котла. – Да, конечно же, еще рано пока снимать, – с глубокомысленным видом пробурчал дядька, пробуя варево. – Зерно вовсе даже еще не размякло, мясо на зубы, словно бы амуничный ремень, давит. Ну, Тимка, будет тебе «протекция» от всей артели, ежели ты нам сегодня порцион спортишь!

– Господа офицеры! – подал команду подполковник Бомбель при входе в комнату князя Эристова.

– Присаживайтесь, господа, – оглядев подчиненных, с достоинством произнес командир полка. – Собрал я вас здесь сегодня для того, чтобы объявить волю нашего командующего, его светлости, князя Цицианова Павла Дмитриевича. Генерала от инфантерии, – выделил он последнюю фразу. – Да да, господа, именно так. Из Санкт-Петербурга пришел высочайший указ о жаловании князя столь почетным чином за труды по завоеванию и по дальнейшему устройству сих мест. Думаю, что совсем скоро он тоже, и причем самолично, соблаговолит поздравить многих из здесь сидящих с производством в новые чины, а кое-кого – так и со вступлением в кавалерство воинского ордена. Ну а пока давайте по нашему делу. Итак, господа, Российская империя находится буквально в одном шаге от войны с персами. В их северо-западной провинции Зенджан близ города Султании сейчас собирается многочисленное войско. Во главе его Фетх Али-шах поставил своего сына, наследного принца Аббас-Мирзу. Эриванскому хану Махмуду от персидского правителя поступил приказ готовиться к выступлению на русских. А три дня назад наш кавказский наместник князь Цицианов получил сразу два письма, причем весьма вздорного и дерзкого содержания. В них наследный принц и эриванский хан практически слово в слово потребовали от русских убраться с Кавказа, дабы спасти свои жизни, иначе, как говорится в письмах, великий шах прогневается на них и жестоко покарает всех «неверных». Это, господа, по факту есть улы-

тиматум! Именно так и заявил по прочтении оных опусов Павел Дмитриевич. Понимать все это нам нужно так: персы в себе весьма уверены и готовы к большой и долгой войне. У них уже собрана огромная сорокатысячная армия, и еще подходят многочисленные резервы. Мы же не имеем здесь в Закавказье даже и семи тысяч штыков. К тому же все наши подразделения раскиданы на большой площади на Кавказском хребте и тут, в самом Закавказье. Все они прикрывают сейчас Грузию и новоприобретенные земли как от нашествия персов, так и от набегов многочисленных и воинственных горских народов. За спиной персов же стоят наши извечные противники – британцы и французы, не желающие усиления Российской империи здесь на юге. Будучи сами противниками в Европе, тут они выступают воедино, поставляя шаху оружие и припасы. Шах настроен решительно. В феврале месяце он в своей столице бросил откровенный вызов нашему императору, самолично опоясав беглого грузинского царевича Александра мечом и вручив ему «царский перстень». Мятежнику на большом приеме была торжественно пожалована вся Грузия как персидская вотчина, хотя по факту она давно уже является одной из провинций нашей империи. Своими действиями, в открытую готовясь к войне, персы хотят показать, что они идут якобы не захватывать, а «освободить» Грузию. Они призывают грузин восстать, сбросить иго русских и принять «законного царя». Все это, конечно, шито белыми нитками, ибо кто-кто, а уж гру-

зины должны хорошо помнить, кто только недавно вырезал их в опустошительных нашествиях. На ультиматумы, господа, князь Цицианов ответил жестко, процитирую вам его дословно. – Полковник задумался и произвел на память отрывок из письма: – «... *На глупые и дерзкие письма, каково было ханское, с прописанием к нему еще и повелений, словами льва, а делами теленка, Баба хана (так в детстве звали хана), русские привыкли отвечать штыками...*» Война, как вы понимаете, господа, теперь неизбежна, и князь Цицианов, воспитанный воевать в суворовской наступательной манере, решил не дожидаться подхода вражеских сил к Грузии, а бить неприятеля первым. Павел Дмитриевич верит в высокие боевые качества русских солдат и их командиров, коим здесь нет равных в боевой выучке и в стойкости. Нам приказано начать поход на Эривань, дабы выбить у персидского шаха его верного вассала и союзника, а потом сойтись и с главным противником в большом, генеральном сражении. Не позднее чем через два дня наш полк выходит из Елисаветполя в Тифлис и там присоединяется к общему войску.

– Ну что ты будешь делать, только недавно сюда пришли, даже и отдохнуть как следует не успели, и вот опять куда-то уходить, – ворчал Савелий, приторачивая позади седла серого сукна чемодан. – Ленька, поддержи немного, чтобы он не слетел, а я его пока ремнями с боков прихвачу.

– Гончаров где?! Блохин, где опять Тимоха болтается?! –

закричал Сошников, влетев в конюшню. – Вот-вот уже сигнал седлать коней будет, а его все нет!

– Да сейчас он будет, Ефим Силович! Лошадь евойная уже вон наготове, под седлом стоит, – успокоил унтера Ленька. – Книжки он побег отдавать егерскому капитану. Тому, который с нами на недавнем выходе был. Сию минуту уже должен вернуться.

– Ох уж эти книжки! – в сердцах махнул рукой Сошников. – Вот от этой вот самой грамотности одни лишь только тревоги! Лучше бы за лошадыю больше смотрел али за мушкетом и саблех!

Раздался топот и в проем конюшни влетел Гончаров.

– Тимка, зараза! – прокричал командир отделения. – Я с тебя совсем седой скоро стану! Быстро лошадь к выходу готовь! Выступаем уже!

– Так готово же все, Ефим Силович! – Гончаров подбежал к Чайке и отвязал от жерди повод. – Не извольте беспокоиться, господин унтер-офицер. Драгун Гончаров к походу готов! – и пристукнул каблуками по соломенной подстилке.

– Тьфу ты, скоморох! – сплюнул унтер и вышел из конюшни наружу.

На городских улицах было людно. Помимо Нарвского драгунского, собирались в дорогу егеря из Семнадцатого полка и гренадерский батальон. Всюду бегали вестовые, сновало с проверками начальство всех рангов, слышались команды, ругань, конское ржание и шум множества людских

голосов. Ближе к обеду разнесся трубный сигнал, и взводные командиры скомандовали «По коням!».

Эскадроны шли по той же дороге, по которой полгода назад, в холод, в снег и дождь выходили из Тифлиса на штурм Гянджи. Только теперь они уже двигались на северо-запад в обратном направлении. Погода радовала. Ярко светило солнышко, все долины вокруг были в зелени, и даже горные хребты с отвесными скалами у дороги выглядели не так угрюмо, как обычно.

– Подтянись! – обернувшись, крикнул подпоручик Кравцов. – Третье отделение, прибавили ходу! Сошников, а ты выходи со своими вперед, через версту уже переправа через речку будет, перейдете на тот берег и остальных на ней прикроете!

– Отделение, рысью марш! – скомандовал унтер, и дюжина кавалеристов вынеслась вперед из взводной колонны.

У брода стояли две одноосные повозки с огромными, широкими колесами. Трое бородатых мужчин в длиннополых халатах заволновались было, увидев всадников, но при их подъезде успокоились и вежливо поклонились Силовичу, безошибочно признав в нем старшего.

– Тимоха, Ленька, проверьте, что там у них! – скомандовал Сошников, окидывая горцев хмурым взглядом. – Осип, Мишка, вам со штуцерами вон тот, дальний, склон караулить! Всем остальным – ружья на изготовку, в круговую у брода встали!

Тимофей соскочил с лошади и подбежал к одной из повозок. Закинув мушкет за спину, он перегнулся, оглядывая ее широкий кузов. То же самое сейчас делал у другой и Ленька.

Бородатые, размахивая руками, что-то встревоженно загомонили.

– Стоять на месте! Dayan dayan! («Стой, стой!» – азерб.) – крикнул Сошников, наставив на них ружье.

Перед Гончаровым была плотная масса спрессованной овечьей шерсти. Он вытащил из чехла на боку штык и потыкал им в кузове.

– Одна лишь только шерсть, Ефим Силович! – доложил он унтеру.

– И у меня в этой тоже! – крикнул Ленька. – Ничего более нет, я тут до самого дна штыком достал!

– Видать, в Газáх на продажу везут? – подъехав ближе, предположил Чанов. – Эй, уважаемый, ага, куда шерсть везешь? – показал он рукой на повозки.

– Газах, Газах, – согласно закивали бородачи, взмахом руки показывая на противоположный берег.

– Ладно, коли так, пусть повозки пока в сторону уберут, чтобы они эскадронам не мешались на переправе, – принял решение Сошников. – Ванька, ты, я смотрю, толмачишь немного по-ихнему, вот и объясни, а не то мы их сами побыстрому отгоним. Так ведь у нас это неаккуратно может получиться, не дай бог чего-нибудь вдруг отломится.

– Федот, а ты бери пятерых и на тот берег с ними пере-

ходи! – приказал он Кошелеву. – Быстрее, братцы, вон уже наши на спуске показались!

Чанов, жестикулируя, что-то пытался объяснить борода-тым, и они его, как видно, наконец-то поняли. Схватили своих лошадей за повод и начали отгонять повозки в сторону.

Лошади драгун фыркая шли по стремительной горной ре-ке. Брод был удобный, вода была им чуть выше колена, и, вскоре переправившись, кавалеристы заняли свои места на противоположном берегу. Все вокруг было тихо. Вот к ре-ке подошла и взводная колонна. Разбрызгивая воду, лошади стремительно миновали брод, и полковой авангард усекал дальше. Мимо стоявших в охране фланкеров сплошным потоком шли эскадроны. Проезжающие драгуны с интере-сом поглядывали на стоящих у повозок бородачей.

– Что, Силович, никак трофеев у этого брода успел взять? – крикнул едущий рядом со знаменосцем немолодой всадник с галунами старшего унтера.

– Да если бы, Фадей Иванович! – откликнулся Сошни-ков. – Ничего интересного, местные товар свой на базар в Газах везут. Видать, всех овец в ауле остригли, полные арбы шерсти тут.

– Гляди, Тимоха, старший полковой писарь, – кивнул вслед проехавшему старшему унтер-офицеру Сошников. – Шибко важный это человек, как я тебе скажу. А ведь ко-гда-то он у меня в отделенных командирах был. Вот, видишь, как оно в жизни бывает? Грамотный, оттого-то и наверх су-

мел выбиться, теперяча все время при господах офицерах обретается. При самом что ни на есть главном, полковом штабе! И ты ведь, я знаю, весьма грамоте обучен, письмо и счет знаешь, книжки вон толстые почитываешь, так что приглядывайся, можа, и тебя я со временем с Ивановичем сведу, ежели, конечно, какой удобный случай вдруг приключится.

Силович напрягся и взял мушкет «на караул».

– Начальство едет, Тимоха! Замри!

Гончаров, застыв с прислоненным к ноге мушкетом на месте, глядел, как мимо проезжают на породистых лошадях важные штабные господа офицеры и во главе их сам командир полка, князь Эристов. Они, как видно, о чем-то шутили, даже не удостоив своими взглядами замерших по стойке смирно драгунов.

– Уф, пронесло! – выдохнул Силович. – Полковник-то наш, говорят, весьма строг до строевых экзерциций. Как-никак они ведь в столичных гвардиях раньше служили, не халам-балам!

Проехал последний эскадрон, за ним прошел длинный полковой обоз и показался полковой арьергард.

– Ну все, братцы, по коням! – скомандовал Сошников. – Теперяча это дело заслонных – за хвостом приглядывать, а вот нам своих догонять надобно.

– Все, езжайте! Вперед! Вперед! – махнул он стоящим у повозок бородачам. – Туда, туда, – показал он рукой на брод. – Газах, Газах!

Те закивали головами с надетыми на них лохматыми шапками и начали выводить повозки к броду.

– Э-эх! Но-о! – крикнул Сошников, понукая свою кобылу. – Ходу, братцы! Ходу!

Отделение прошло через реку и поскакало вслед уходящему полку.

Нарвскому драгунскому полку выделили под квартирование южные пригороды Тифлиса. Здесь же, неподалеку от выезда, вставали Семнадцатый егерский полк Карягина, кавказский гренадерский, Саратовский мушкетерский и казаки Агеева.

Второго июня было назначено общее построение на пригородной равнине около речки Куры. Главнокомандующий желал лично лицезреть свои подготовленные к боевому походу части.

... – Вчера ко мне прибыл персидский посол Якуб-бек и вручил послание от своего господина Фетх Али-шаха! – приподнявшись на стременах чистокровного арабского скакуна, громогласно объявил выстроенным войскам Цицианов. – В этом послании прописано требование о немедленном выводе всех русских войск из Закавказья. В случае же отказа глава династии Каджаров грозитя вышвырнуть нас своей многочисленной армией! По своей сути это есть объявление войны, братцы! – оглядев замершие ряды, крикнул он гневно. – Никто и никогда не может столь дерзко диктовать

условия великой Российской империи. Я объявляю о начале похода на недружественную нам Эривань. Если у персов будет хоть толика здравого разума, они удержатся от опрометчивых враждебных действий против нас и уйдут в свои пределы, в противном же случае пусть они пеняют на себя! Слава Российской империи! Слава императору и самодержцу Александру Первому!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.